

Илья Калинин

СПЯЩАЯ ДУША

Книга III

18+

Илья Калинин

Спящая душа. Книга III

«Автор»

2026

Калинин И.

Спящая душа. Книга III / И. Калинин — «Автор», 2026

Академии больше нет. Боги молчат. Мертвый бог — свободен. Димитрий сделал выбор, который спас его друзей и обрек весь мир. Теперь он — не герой, а Ключ, открывший дверь Бездне. За его головой охотятся Инквизиция, высшие лорды и те, кто еще вчера называл его союзником. Но самое страшное — не это. Неопалимый вернулся в своем истинном облики и призвал перерожденцев к войне. Мир, где они были инструментами, рушится. Новый порядок уже рождается — в крови, пепле и предательстве богов. Чтобы выжить, Димитрию придется решить: остаться человеком или стать тем, чем его уже считают.

© Калинин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Интерлюдия. Неопалимый	7
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	28
Интерлюдия. Храм Богов	34
Интерлюдия. Элирия	37
Глава 5	40
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Илья Калинин

Спящая душа. Книга III

Пролог

Первохрам никогда не требовал молитв. Здесь не курили ладан, не горели свечи, не звучали гимны. Только шесть исполинских каменных плит, парящих в ледяной, оглушающей пустоте. Место вне времени, где вечность застыла в абсолютном покое.

Пока не треснуло то, что не ломалось с незапамятных времен.

Удар пришелся снизу, из-за невидимой границы горизонта. Это ощущалось не как звук, а как тошнотворный рывок — словно само мироздание вырвало кровью. Бесстрастные грани камня содрогнулись. Ткань реальности с влажным хрустом разошлась по швам, и из разлома ударило болезненное, ядовито-зеленое свечение. В стерильной пустоте Храма внезапно запахло озоном, землей и гниющим мясом.

Шесть силуэтов одновременно материализовались на своих местах. Их вырвало из состояния покоя чувство, о котором они успели забыть. Первобытный страх.

Ауриэль, Владыка Света, не устоял на ногах. Он опустился на камни, тяжело, со свистом втягивая несуществующий воздух. Его золотая аура, всегда ослепительная и ровная, теперь билась в лихорадке. — Он пьет... — прохрипел бог, глядя на свои дрожащие ладони. В его голосе звенел ужас, но сквозь растопыренные пальцы он смотрел на то, как зеленый свет разъедает его собственное сияние, — смотрел странно внимательным, почти изучающим взглядом. — Мой свет на земле гаснет. Там остаются только тени.

Рядом согнулась пополам Элинария. Богиня жизни судорожно прижала руки к животу. — Гниль, — выдохнула она. Живая лоза, оплетавшая ее трон, стремительно высыхала, превращаясь в труху. Элинария вцепилась в подлокотник так, что острые щепки впились в ее идеальную кожу. Она задыхалась от боли умирающих лесов, но не пыталась влить в мертвое дерево ни капли исцеляющей силы. Ее большой палец медленно, словно в трансе, поглаживал осыпающийся пепел.

Валториан появился с оглушительным лязгом. Вокруг бога войны тут же сгустился жар, его доспехи раскалились до вишневого свечения. — Клетка лопнула! — прорычал он. И в этом рыке было не столько отчаяние, сколько пугающее, изголодавшееся нетерпение. Он ждал этого. Веками ждал повода устроить настоящую бойню. — Вниз! Все! Мы сожжем эту землю дотла, пока зараза не пустила корни!

— Твоя ярость слепа, Валториан, — голос Люстрады прозвучал как удар стали о лед. Богиня закона сидела идеально прямо. Ее серебряная маска оставалась неподвижной. Реакция была пугающе отстраненной, словно гибель тысяч людей внизу была для нее лишь изменением цифр в бесконечном уравнении. — Наш спуск разрушит твердь. Мы раздавим этот мир своим весом. Мы остаемся здесь.

Джерделис, хранитель справедливости, глухо ударил древком двуручного меча по камню. На его изрезанном шрамами лице застыла глухая, фаталистическая усталость. — Спасать больше нечего, Люстрада, — тихо произнес он. В его словах сквозила обреченность существа, которому до смерти надоело нести этот мир на своих плечах. — Зов разнесся по всей земле. Спящие пробуждаются. Начинается жатва. И, может быть... она заслуженна.

— Вы не о том спорите, — негромко прервал их Селарион.

Бог магии стоял у самого края своей плиты. Его лицо напоминало посмертную маску. Он не паниковал — его взгляд напряженно скользил по призрачным нитям разорванного божь-

ственного узора, который только что перестал быть тюрьмой. Он нашел причину подозрительно быстро.

— Как, Селарион? — Валториан до хруста сжал рукоять меча. — Как этот кусок смертного мяса смог разорвать нашу сеть? У этого щенка не хватило бы сил!

— Он и не рвал ее силой, — сухо ответил Селарион. Он протянул руку, и в центре зала возникла иллюзия разрушенной Печати. В ее центре зияла идеальная, пугающе ровная пустота. — Мальчишка. Димитрий. Загнанный в угол смертный просто столкнул Свет и Тьму в одной точке. — Парадокс... — одними губами прошептал Ауриэль. — Да. Он заставил исчезнуть часть реальности. Замок не взломали, его просто стерли из мироздания.

В Первохраме повисла тяжелая тишина.

— Но это не объясняет главного, — голос Селариона упал почти до шепота, и от этого звука по спинам пополз первобытный холод.

Он взмахнул рукой, приближая иллюзию. Туда, где их божественные силы должны были слиться воедино, образовав нерушимый монолит. Но там зияли пустоты. Истончившиеся, почти истлевшие нити. Тщательно скрытая гниль.

— Удар смертного разрушил внешнюю оболочку, — чеканя каждое слово, произнес бог магии, медленно обводя остальных тяжелым взглядом. — Но он не смог бы пробить саму суть. Если только... если только ткань не истончалась тысячелетиями. Нить за нитью. Печать сгнила изнутри.

Давящая тяжесть, обрушившаяся на Первохрам, стала почти осязаемой.

Валториан замер, не дыша. Ауриэль медленно, очень медленно поднялся с колен. Люстра застыла в своем кресле. Джерделис напрягся всем телом. Элинария оторвала взгляд от пепла на подлокотниках и посмотрела на братьев покрасневшими глазами.

Они смотрели на истлевший узор. А потом их взгляды начали медленно, болезненно скользить друг по другу.

Тюрьму нельзя было открыть снаружи. Доступ к замку был только у них шестерых. Идеальная замкнутая вечность. А значит, кто-то из них тысячелетиями делал вид, что держит цепь, пока его пальцы методично перетирали звенья. Кто-то из них терпеливо ждал в темноте, когда загнанный в угол мальчишка просто толкнет дверь.

В Первохраме не было воздуха, но сейчас каждому из богов стало нечем дышать. Никто не потянулся за оружием. Никто не произнес ни слова обвинения. Но дистанция между ними внезапно стала бесконечной.

Тот, кто предал их мир, отдав его Бездне, был здесь. В этом самом круге. И прямо сейчас он смотрел на них их же собственными глазами.

Интерлюдия. Неопалимый

Свобода оказалась ошеломляющей. Она ворвалась в сознание не как триумф, а как резкая, почти невыносимая сенсорная атака. После тысячи лет в абсолютном звенящем ничто — в камере, где не было ни света, ни звука, ни самой плотности пространства, — материальный мир казался слишком ярким, слишком шумным, слишком *настоящим*.

Я стоял в центре кратера, на месте которого еще вчера была Академия, и чувствовал, как пепел касается того, что теперь служило мне кожей. Каждая пылинка ощущалась как микро-скопический ожог. Воздух, пропитанный гарью и озоном, был на вкус как раскаленное железо. Это было больно. Это было восхитительно.

Я жадно впитывал эти ощущения, заполняя ими ту бездонную, сосущую пустоту, которая образовалась во мне за века одиночества. Тысяча лет. Десять тысяч раз я перебирал в памяти все свои воспоминания, пока они не стерлись, превратившись в бледные тени. Десять тысяч раз я воображал, что спорю с Ауриэлем, выкрикивая ему свою правду в пустоту, где не было даже эха. Я так долго был один, что почти забыл, как звучит мой собственный голос вне черепной коробки.

Я посмотрел на свои руки — или на то, что я считал своими руками. Тошнотно-зеленое пламя Скверны медленно растекалось под призрачной оболочкой, заменяя мне мышцы и кровь. Я был ядом. Я был заразой. Но под этим слоем ревущей мощи я чувствовал странную, постыдную усталость. Мне хотелось не просто разрушать. Мне хотелось, чтобы они *увидели*. Чтобы они поняли, через что я прошел. Чтобы в их глазах, прежде чем они обратятся в прах, я прочел признание: все это было не зря. Моя боль имела смысл. Мое падение было жертвой, а не просто ошибкой.

«*Уничтожь их*», — внезапно прошептало что-то в глубине моего сознания. Мысль была такой простой и естественной, что я принял ее за свою. «*Сотри этот мир. Он не заслуживает твоей милости*».

Да. Конечно. Они заперли меня. Они заслужили только пепел. Я почувствовал, как ярость — тяжелая, густая, как свинец, — заполняет мои мысли, вытесняя мимолетную слабость. Это была правильная эмоция. Единственная, которая мне была нужна.

Зеленое пламя взметнулось вокруг меня, лизнув ржавое небо. Я дышал, и мертвый камень под моими ногами покрывался пульсирующими язвами. Скверна разрасталась, она вытекала из меня, заполняя кратер. Я был ее источником. Я был...

На мгновение я потерял нить повествования. В голове возник короткий странный провал, словно вырезали кадр из старой пленки. Я обнаружил, что стою на несколько шагов левее, чем секунду назад, а моя рука вытянута в сторону горизонта в жесте, которого я не планировал совершать.

Скверна под моей кожей дернулась. Она пульсировала в ритме, который не совсем совпадал с биением моей воли. Это было похоже на глубокий, утробный вздох огромного существа, частью которого я стал. Или которое стало частью меня.

— Как... много шума, — раздался голос.

Я не обернулся. Не из-за гордыни — хотя я выставил ее перед собой как щит, — а потому, что на мгновение просто застыл, оглушенный самим фактом чужого присутствия. Кто-то был здесь. Кто-то смотрел на меня.

Это внимание действовало на меня как наркотик. После веков забвения осознание того, что я снова в центре чьего-то внимания, заставило Скверну внутри меня довольно заурчать.

Из серого пепельного марева, застывшего в воздухе, словно повинувшись чужому приказу, вышел Гость.

Фигура была закутана в тяжелый, поглощающий свет покров. Абсолютная аномалия. Ни пола, ни лица, ни возраста. Просто присутствие, от которого веяло такой глубокой древностью, что мое собственное пребывание в Клетке показалось коротким отпуском.

— Пришел поздравить меня с возвращением? — мой голос прозвучал как скрежет стелющихся ледников. Я заставил себя говорить властно, подавляя предательское желание просто слушать чужую речь. — Или Ауриэль настолько струсил, что прислал своего вестника?

Гость остановился на самом краю лужи кипящей Скверны. Фигура стояла неподвижно, и я почувствовал, как этот невидимый взгляд сканирует меня — не как бога, не как врага, а как... инструмент. Тщательно, профессионально.

— Ауриэль сейчас занят тем, что пытается склеить осколки своего самолюбия, — голос Гостя был лишен каких-либо признаков жизни. Он звучал ровно, без пола и эмоций, словно его транслировали через слой холодного эфира. — Никто из них не придет. Они боятся тебя, Неопалимый. Боятся того, кем ты стал.

Скверна внутри меня довольно зашевелилась. *Боятся*. Да. Именно это я и хотел услышать.

— Они должны бояться, — прорычал я, чувствуя, как гнев снова захлестывает меня. Это было так удобно — просто злиться. Злость избавляла от необходимости думать о той пустоте, что осталась на месте моей души. — Я сожгу их храмы. Я заставлю их захлебнуться собственным светом.

— Разумеется, — мягко, почти вкрадчиво произнес Гость. — Ты был рожден для этого. Ты — единственный, кто увидел истинную изнанку этого мира. Ты — его очищение. Жаль только, что они так долго держали тебя в неведении. Ты ведь мог спасти их гораздо раньше.

Я замер. *Спасли?*

— Они не заслуживают спасения, — отрезал я, но в моем голосе проскользнула обида, которую я не успел скрыть. Тысячу лет я думал о том, почему они тогда просто не выслушали меня. Почему сразу — Клетка?

— О, я согласен, — Гость сделал шаг вперед, прямо в ядовито-зеленое пламя.

Я ждал, что Скверна набросится на него. Что она сожрет эту дерзкую плоть, защищая своего хозяина. Но произошло то, от чего у меня внутри все похолодело.

Скверна не атаковала.

Зеленые языки пламени, которые секунду назад ревели и изрыгали яд, внезапно... присмирели. Они послушно расступились перед Гостем, а те, что коснулись его одежды, прильнули к нему, как дрессированные псы к хозяину. Они узнали его. Моя собственная сила, мое продолжение, реагировала на это существо с какой-то генетической покорностью.

«*Это потому, что я велик*», — тут же услужливо подсказала мне мысль. — «*Моя сила подчиняет себе даже богов, и Скверна чувствует их слабость*».

Я ухватился за это объяснение, как утопающий за соломинку. Да. Конечно. Именно так.

— Ты предаешь их, — я посмотрел на скрытую мороком фигуру. — Почему? Что ты хочешь получить на пепелище?

— Порядок, — коротко ответил Гость. — Тот, в котором вещи называют своими именами. Тот, где ты займешь законное место, а не будешь гнить в пустоте. Тебе ведь там было... нехорошо, не так ли? Одиночество — тяжелое бремя для того, кто хотел нести свет.

От этих слов у меня перехватило дыхание. Гость попал точно в цель. Он говорил со мной не как с чудовищем, а как с человеком, который пострадал несправедливо.

— Я не нуждаюсь в сочувствии, — процедил я, хотя внутри всё дрожало от болезненной потребности продолжать этот разговор. Мне нужно было, чтобы он продолжал говорить. Чтобы он подтвердил мою значимость.

— Это не сочувствие. Это констатация факта, — Гость медленно протянул руку в темной перчатке.

Я почувствовал странный импульс. Мое тело — моя Скверна — подалось вперед само, без моего приказа. Словно рефлекс, заложенный глубже, чем мое сознание. Я едва успел остановить это движение, заставив себя остаться на месте.

— Инквизиция вышлет легионы, — продолжал Гость, словно не заметив моей заминки. — Они будут искать Димитрия. Мальчишку-Ключ. Они думают, что он — причина всех бед. Пусть ищут. Пока они охотятся за тенью, ты подготовишь почву. Я буду твоими глазами в их Первохраме. Я буду направлять их удары в пустоту. Тебе нужно лишь... продолжать расти.

— Ты думаешь, я буду на тебя работать? — я попытался рассмеяться, но получилось жалко.

— Нет, Неопалимый. Ты будешь работать на себя. На свою месть. А я просто... помогу тебе не промахнуться. Мы ведь оба хотим одного и того же, верно? Чтобы этот старый, пыльный мир наконец сгорел.

Я смотрел на него и видел идеальный выход. Союз, который позволит мне обрушить небеса на головы моих братьев. Я был уверен, что Гость — всего лишь инструмент в моей игре. Падшее божество, решившее сделать ставку на сильного игрока. Я переиграю его позже, когда Аuriэль будет лежать у моих ног.

Я протянул руку, окутанную ревущим зеленым пламенем.

— Да будет так.

Я ожидал рукопожатия. Ожидал пафосного момента скрепления договора. Но Гость сделал нечто иное.

Он медленно сокращал дистанцию. Я почувствовал, как Скверна внутри меня буквально задрожала от восторга — не от моей воли, а от близости этого существа. Она пульсировала, тянулась к нему, она... подчинялась.

Гость поднял руку.

На мгновение мне показалось, что под пеленой морока я вижу очертания лица — спокойного, бесконечно мудрого и пугающе знакомого.

Тонкие пальцы в темной матовой перчатке осторожно коснулись моей щеки — там, где зеленое пламя переходило в подобие человеческой кожи. Это было мимолетное, почти нежное прикосновение.

— Хороший мальчик, — прошептал Гость.

Звук был таким тихим, что я почти не расслышал его за гулом Скверны. Но в этот момент Скверна внутри меня — моя ярость, моя сила, моя сущность — внезапно затихла, свернувшись клубочком, как сытый хищник, которого погладил хозяин.

И прежде чем я успел осознать смысл этих слов, прежде чем успел возмутиться или ударить, Гость развернулся и просто растаял в сером пепле.

Я остался стоять в центре кратера.

Я чувствовал себя триумфатором. У меня был союзник. У меня была цель. Я был свободен.

Я посмотрел на свою руку. Зеленое пламя снова взметнулось вверх, послушное и мощное.

«Я всё контролирую», — убежденно подумал я. — «Я — бог разрушения».

Но глубоко внутри, там, где еще теплились остатки моей человеческой памяти, билось маленькое холодное сомнение. Я не мог вспомнить, почему в момент прикосновения Гостя не испепелил его на месте. Не мог вспомнить, почему я... закрыл глаза и на секунду подставил лицо под его ладонь, как брошенный пес, которого впервые за тысячу лет позвали по имени.

Пепел продолжал сыпаться на руины Академии, укрывая их серым саваном. Мир готовился к войне, не подозревая, что его освободитель только что послушно лизнул руку своего нового хозяина.

А Скверна внутри меня продолжала дышать — ровно, глубоко и совершенно чуждо. Она ждала следующего приказа. И я был уверен, что этот приказ отдам я.

Я был в этом абсолютно уверен. И в этой уверенности крылся самый черный, самый беспросветный ужас, который я пока не мог осознать.

Глава 1

Холод перестал быть просто скверной погодой. Он мутировал, превратившись в осязаемого, агрессивного хищника, который методично выматывал нас час за часом. Он легко проникал сквозь разодранную, пропитанную высохшей грязью и потом одежду, вгрызался под кожу и оседал прямо в костях. Сапоги давно стали ледяными колодками, стирающими ступни в кровь, но я почти не обращал на это внимания за общим густым фоном боли. Тело стремительно теряло тепло, отдавая его безразличному, мертвому лесу капля за каплей, и вместе с этим теплом уходила воля к сопротивлению.

Мы шли уже четвертые сутки. Или пятые. Время потеряло всякий смысл в ту секунду, когда Академия перестала существовать, превратившись в воронку из оплавленного до состояния стекла гранита. Теперь оставались только тупые вспышки боли при каждом тяжелом шаге и бесконечный серый пепел.

Пепел был повсюду. Мелкая, липкая пыль вперемешку с сожженной плотью и деревом. Он падал с ржавого, воспаленного неба, оседал на плечах свинцовой тяжестью, забивался в поры и скрипел на зубах тошнотворным привкусом жженого железа. Горло саднило от каждого вдоха. Лес вокруг нас, голый, черный и искореженный, напоминал выпотрошенные внутренности огромного мертвого зверя. Ни переклички птиц. Ни спасительного шороха мелкого зверья в кустах. Только тяжелое, ритмичное чавканье наших сапог по стылой глине, раздающееся в этой акустической могиле слишком громко.

Мышцы ног горели огнем, тело вопило от крайнего истощения, но я давил эту слабость привычным усилием воли. Разум изо всех сил цеплялся за сухую логику. Без нее я бы уже давно рухнул в эту грязь и орал вместе с ледяным ветром.

Впереди маячила напряженная спина Элирии. Бывшая инквизиторша шла так, словно вместо позвоночника ей вбили стальной лом. Идеальная, жесткая выправка, хотя ее левый бок представлял собой одно сплошное пульсирующее месиво под грязной повязкой. Вокруг нее постоянно стоял отчетливый железистый запах свежей крови, но она даже не хромала. Жесткий, почти нечеловеческий контроль. Дисциплина, вбитая Орденом, стала для нее единственным спасительным каркасом, не дающим рассыпаться на куски. Она непрерывно сканировала мертвый лес, сжимая трофейный кинжал так сильно, что костяшки пальцев побелели до желтизны.

Слева от меня, тяжело дыша, спотыкался Джестенис. Маг огня, который еще недавно мог играючи плавить камни, сейчас напоминал ходячий труп с запавшими, лихорадочно блестящими глазами. Он то и дело заваливался вбок, судорожно цепляясь дрожащими руками за влажные стволы деревьев. Чувство вины жрало его изнутри гораздо быстрее, чем голод. Он винил себя за Академию. За Векриса. За ту свежую, рыхлую землю на его могиле, которая всё ещё стояла перед нашими глазами. Парень держался на одном голом нерве, натянутом до предела и готовом порваться в любую секунду.

За руку он упрямо тащил Силию. Девушка переставляла стертые ноги с механической, абсолютно пустой покорностью. Разум просто захлопнул перед ней двери, запер ее в темном внутреннем бункере, защищая от непоправимой перегрузки. Она не смотрела под ноги, не вздрагивала и даже не моргала, когда жесткие ветки хлестали ее по бледному, перемазанному сажей лицу. Пустая, выгоревшая оболочка, бредущая на автопилоте вслед за тем, кто ее тянет.

И был Гмых.

Старый гоблин замыкал нашу измученную процессию. Он шел тяжело, опираясь на ржавую железную трубу, выломанную из коллектора, но в его глухом шаге не было обреченности. Гмых топал по глине так, словно этот конец света был на его долгой памяти уже четвертым, и каждый следующий разочаровывал его всё больше своей унылой предсказуемостью.

— Стопорим, — хриплый, каркающий голос гоблина внезапно разорвал тишину, заставив нас вздрогнуть.

Элирия мгновенно развернулась, лезвие ее кинжала описало хищную защитную дугу. — Мы не прошли норму, — ее голос прозвучал сухо, с предупреждающим лязгом. Никаких эмоций, только холодная статистика выживания. — Если патрули Инквизиции чешут лес по квадратам, они нагонят нас к полуночи. Нельзя останавливаться.

— Если пройдем еще милю, они нагонят уже холодные трупы, — Гмых брезгливо сплюнул на землю серый сгусток слюны с пеплом. — Пацан вон сейчас свои легкие на мох выплюнет. Святоша, ты сама на ногах только на злости своей стоишь. А злостью сыт не будешь, она не греет. Садимся. Иначе останется только мылом веревку мазать, чтоб не мучиться.

Он подошел к узловатым корням вывороченного векового дуба и тяжело, с кряхтением осел на сырую землю, прислонив трубу к стволу.

Элирия несколько долгих секунд буравила его тяжелым взглядом. Рациональность всё же победила упрямство. Она коротко кивнула и опустилась на колени у самого края образовавшейся ямы, сразу заняв позицию, с которой хорошо просматривался наш тыл.

Я подошел к дубу и привалился спиной к склизкой, холодной коре. Ноги гудели так, словно в них залили чугун. Силия кулем осела рядом со мной, всё так же бессмысленно уставившись в одну точку между корней.

Джестенис с глухим, болезненным стоном упал на колени. Его руки била крупная, неконтролируемая дрожь. Закоченевшими пальцами он достал из кармана кусок влажного трута и кресало — обычный сколотый кремь и кусок стали, снятые с трупа какого-то инквизитора.

Парень начал высекать искры. Металл с резким звуком скользнул по камню. Тусклая оранжевая вспышка. Трут не загорелся. Чирк. Чирк. Движения Джестениса становились всё более дергаными, злыми и отчаянными.

— Давай же, тварь... — прошипел он сквозь стиснутые до скрежета зубы. Чирк. Чирк.

Искра наконец-то упала на трут, тот едва заметно затлел тонким дымком и тут же погас, убитый лесной сыростью.

Джестенис замер. Я видел, как болезненно напряглась его худая спина под промокнувшей курткой, как судорожно сжались кулаки, побелев на костяшках. А затем его просто прорвало.

С сорванным, почти звериным криком он со всей силы швырнул кресало в соседнее дерево. Металл со звоном отлетел в темноту. Парень вскочил на ноги, с яростью пнув кучку заботливо собранного мокрого хвороста. — Сука! — заорал он, схватившись руками за волосы. — Я маг! Я боевой маг огня, чтоб вас всех! Я мог бы сжечь эту гребаную чащу одним взглядом! А теперь... теперь я даже жалкий костер развести не могу, чтобы мы не передохли тут от холода, как бродячие собаки!

— Закрой рот.

Голос Элирии ударил его как тяжелый мокрый хлыст. Она даже не повысила тон, но в ее словах было столько ледяной, угрожающей тяжести, что Джестенис поперхнулся собственным криком. Инквизиторша медленно поднялась. Ее кинжал поймал тусклый свет серого неба.

— Сжечь — да, — процедила она, подходя к нему вплотную. — Заодно выдав нас всем охотничьим псам Ордена и тварям Скверны в радиусе пяти лиг. Любая искра магии сейчас — это маяк в крошечной тьме. Хочешь согреться, Джестенис? Хочешь, чтобы нас быстро нашли и согрели на кострах очищения?

Парень тяжело дышал, глядя на нее сверху вниз воспаленными глазами. В них стояли слезы бессилия и дикой усталости. — Мы всё равно сдохнем, Элирия, — прохрипел он, едва сдерживая дрожь. — Какая теперь разница? От инквизиторского меча, от клыков мутанта или от того, что наша кровь просто замерзнет во сне?

— Разница в том, что я не позволю тебе решать это за нас, — она толкнула его свободной рукой в грудь. Жестко. Безжалостно. — Сядь. Заткнись. И ищи свое кресало.

Джестенис сжал челюсти, но плечи его обреченно поникли. Воздух со свистом вышел из его легких. Он медленно опустился на колени и принялся шарить дрожащими, красными от холода пальцами в мокрой листве.

Я смотрел на эту сцену с глухим, вымороженным спокойствием.

Она была абсолютно права. Использование магии сейчас — это быстрое и гарантированное самоубийство. Но для меня лично это суровое предупреждение больше ничего не значило.

Потому что магии у меня больше не было.

Я закрыл глаза, прислонившись затылком к жесткой коре дуба. Нужно было проверить себя. Окончательно понять, что именно сломано внутри. Обычно путь в мое астральное пространство занимал долю секунды. Мой внутренний мир. Гладкая, как темное стекло, твердь, в центре которой всегда возвышалось исполинское черно-белое Древо — средоточие Истинного Света и Истинной Тьмы. А прямо за его мощными пульсирующими корнями стояла хижина — мой бронированный ментальный сейф. Убежище, внутри которого пряталась точная копия моей старой земной комнаты. Мой единственный якорь в этом чужом мире, пахнущий старой бумагой, где за окном всегда шел земной дождь и не было никакой магии.

Я мысленно потянулся к этому знакомому пространству. Сконцентрировался. Попытался войти...

Вспышка боли скрутила меня так, что спина выгнулась дугой, ударившись о дерево.

Это не было похоже на сильную мигрень. Боль была густой, живой и осязаемой, словно мне в затылок с размаху вогнали толстый ржавый гвоздь и с силой провернули его в черепе.

Мое сознание с чудовищным трудом протолкнулось внутрь, продираясь сквозь оглушительный скрежет рвущихся нейронных связей, но от увиденного там мне стало по-настоящему страшно.

Стеклянная твердь моего разума больше не была гладкой. Она пошла глубокими, черными провалами. Исполинское Древо было мертво. Ни ослепительно-белой созидающей коры, ни поглощающей свет, ледяной черноты. Массивный ствол превратился в хрупкий, спекшийся столб уродливого серого пепла. Корни, когда-то перекачивавшие саму суть мироздания, высохли, потрескались и рассыпались в мелкую пыль.

Хижина за Древом — моя неприступная ментальная броня, подчиняющаяся только суровым законам земной физики, — покосилась и осела. Защитные контуры из маны, намертво вплетенные в ее стены, испарились без следа. Массивную входную дверь сорвало с петель, обнажив разрушенную, мертвую земную комнату. Потертый диван, мой старый письменный стол и любимые книги теперь наполовину засыпало серым, мертвым снегом аннигиляции.

А высоко в абсолютной пустоте внутреннего неба всё так же пульсировала изломанная зеленоватая трещина — гноящийся шрам Скверны, оставленный сектантами. Раньше я надежно сдерживал ее барьером из древних рун, не давая ядовитому шепоту Неопалимого просочиться внутрь моего разума. Теперь никаких рун не было. Только голая, беззащитная рана и мертвая, звенящая тишина моего выжженного, пустого источника.

Липкая паника рванулась к горлу, мешая дышать. Я привычно придушил ее. Потом бояться будем. Сейчас нужно было знать наверняка. Для меня магия всегда была энергией, бегущей по понятным мне проводам. Когда я ударил Серой магией у Печати Неопалимого, я пустил по этим хрупким проводам напряжение, которое они физически не могли выдержать.

Я мысленно потянулся к осыпающимся в серую пыль корням Древа. Попытался выдавить из них, из самого себя, хоть одну тусклую Искру, хоть каплю оставшейся силы.

Меня вышвырнуло из транса с хриплым, булькающим криком.

Я рухнул набок, прямо в ледяную липкую грязь. Тело мгновенно скрутило жесточайшей судорогой, мышцы рук и ног свело так сильно, что я слышал, как опасно хрустнули суставы. Эфирные каналы выгорели, и фантомный магический импульс ударил прямо по оголенным, беззащитным нервам. Ослепительная, невыносимая боль белым светом взорвалась

под кожей. Перед глазами вспыхнули красные пульсирующие пятна, из носа хлынула горячая кровь, быстро заливая губы и подбородок.

— Димитрий!

Чьи-то сильные руки жестко впечатали меня в землю, придавив, не давая в конвульсиях разбить голову о торчащие корни дуба. Сквозь застилающие зрение горячие слезы я увидел прямо над собой перемазанное грязью лицо Элирии.

— Не смей! Слышишь меня?! — в ее срывающемся голосе прорвался чистый животный страх, разом ломая всю ее холодную инквизиторскую броню. — Не трогай свой источник! Ты убьешь себя! Пусты его!

Она навалилась на меня всем своим весом. Ее длинные пальцы до синяков впились в мои плечи, удерживая на земле.

Я попытался разжать сведенные челюсти, чтобы просто сделать судорожный вдох. Во рту стоял густой, тошнотворный вкус горячей крови и меди. Судорога постепенно, мучительно медленно отпускала мое тело, оставляя после себя лишь мелкую дрожь и тотальную, парализующую слабость. Я лежал щекой в грязи, со свистом втягивая в горящие легкие ледяной воздух. Ребра отчаянно ныли от напряжения.

Элирия тяжело дышала, ее лицо находилось совсем близко. В ее расширенных от испуга зрачках я отчетливо видел себя: бледный, перемазанный грязью и собственной кровью калека, быющийся в жалком припадке на дне сырого оврага.

Мой безжалостный разум мгновенно подвел черту. Вердикт был обескураживающе прост.

Проводка сгорела окончательно. Серая магия не просто вычерпала мой резерв до дна — она физически сожгла саму способность моего тела проводить силу. Я больше не мог пропускать через себя эфир.

Раньше я был их главным щитом. Аномалией, Ключом, способным стирать смертоносных мутантов в пыль. Вокруг моей силы строилось всё наше зыбкое выживание. Теперь я стал балластом. Куском поврежденного, бесполезного мяса, не способным даже согреть собственные ледяные руки. В этом вымирающем лесу, где за нами по пятам шли обученные каратели, обуза означала верную смерть для всех остальных.

— Я... пустой, — хрипло выдавил я, с трудом поворачивая голову и сплевывая вязкую кровь на мох. Голос царапал горло, как битое стекло. — Там ничего нет, Элирия. Всё выгорело в абсолютный ноль. Дерево мертво.

Она молча смотрела на меня, крепко сжав губы в тонкую белую линию. Она не стала мне лгать. Не стала сыпать жалкими словами утешения. Она сама слишком хорошо знала, как именно выглядит выжженный догла маг.

Эльфийка медленно, неохотно убрала руки с моих плеч и выпрямилась.

— Значит, будешь учиться выживать как обычный человек, — жестко, почти грубо ответила она. Но в этой показной резкости я отчетливо услышал отчаянную попытку удержать меня на краю пропасти, не дать сдаться. — Магия не делает тебя живым, Димитрий. Пока по твоим венам течет кровь — ты встаешь и идешь. Ты понял меня?

Я ничего не ответил. Я просто лежал и смотрел сквозь голые черные ветви в серое небо, чувствуя, как внутри меня неумолимо разрастается холодная пустота.

— Хватит тут сопلي жевать, — снова скрипнул над ухом голос Гмыха.

Старый гoblin грубо оттолкнул плечом застывшего в ужасе Джестениса. В его желтых, заплавленных глазах не было ни капли жалости — только суровый, кристально чистый прагматизм существа, которое пережило слишком многих друзей. Он порывшись рукой в своем бездонном, пахнущем плесенью мешке и вытащил небольшой кусок засохшего, узловатого темного корня.

— Жуй, — он без церемоний бросил этот корень мне прямо на грудь. — Жесткий, как старая подметка инквизитора, зато волокна есть.

— Меня сейчас вырвет, — я едва шевелил разбитыми губами.

— Вырвет, значит подберешь с земли и снова будешь жевать, — философски отозвался Гмых, спокойно усаживаясь рядом со мной на корточки и доставая такой же грязный корень для себя. — Молодые всегда помирают громко, с надрывом, с красивыми речами. А помирать надо тихо. Экономя ценное тепло. И желательно после очень плотного ужина. Ужина у нас сегодня нет, так что твоя смерть откладывается по чисто техническим причинам. Жуй давай. Слюну гонять во рту полезно, дурной организм думает, что еда пошла, и не отрубается.

Дрожащими, непослушными пальцами я взял деревяшку и поднес корень ко рту. На вкус это была земляная труха пополам с горькой плесенью. Но старик оказался прав: тупое, однообразное механическое движение челюстей странным образом заземляло, силой вытаскивая мой разум из паники обратно в суровую физическую реальность.

Элирия молча вернулась на свой караульный пост. Джестенис, так и не найдя кресало, просто свернулся жалким калачиком на мокрых листьях, пряча ледяные ладони подмышки. Силия так и сидела, мерно покачиваясь из стороны в сторону.

Пятеро сломанных, потерявших всё людей под вывороченными корнями дуба. У нас не было плана. Не было цели. Мы просто ждали, когда ночная темнота станет достаточно густой и непроницаемой, чтобы надежно спрятать нас.

Лес вокруг давил мертвой, тяжелой тишиной. Это не был естественный покой засыпающей природы, это была та самая акустическая пустота, что звенит в ушах за секунду до безжалостного удара взрывной волны.

И вдруг эта неестественная тишина треснула.

Звук пришел откуда-то с севера. Это не было обычным звериным рычанием или волчьим воем. Низкая, вибрирующая по земле дрожь, переходящая в омерзительный влажный, булькающий скрежет. словно кто-то огромный прямо сейчас выворачивал наизнанку кусок живого сырого мяса, и это мясо тоскливо скулило.

Джестенис резко сел, его глаза расширились от ужаса. Элирия абсолютно бесшумно скользнула за широкий ствол дуба, перехватив кинжал обратным хватом. Силия перестала раскачиваться и замерла. Гмых перестал монотонно жевать. Гоблин без единого звука поднялся со своего места и гибкой тенью растворился в серых сумерках колючего подлеска.

Каждая секунда тягостного ожидания тянулась, как холодная, липкая смола. Я слизывал соленую кровь с разбитой губы и с пугающей ясностью понимал: если эта рычащая тварь сейчас выйдет прямо на нас, я буду просто лежать и беспомощно смотреть, как Элирия пытается зарезать огромного мутанта обычным охотничьим ножом.

Спустя несколько бесконечных, изматывающих минут кусты слабо раздвинулись. Гмых вернулся.

Он подошел к нам и молча бросил на землю оторванный кусок древесной коры. На ее светлой внутренней стороне был глубоко выжжен символ: идеально ровный круг, перечеркнутый длинным мечом. Края ожога были свежими и всё еще слабо, но отчетливо пахли жженой сосновой смолой и остаточным эфиром магии Света.

— Метка гончих, — одними губами, почти беззвучно произнесла Элирия. В сумерках ее лицо стало совсем пепельно-серым. — Поисковый инквизиторский отряд. Они метят пройденный сектор.

— Метка совсем свежая, — мрачно кивнул Гмых, указывая на ожог. — Тот скулеж, что мы только что слышали... Это не дикое зверье бродит. Это модифицированные гончие Инквизиции взяли след. И ветер, чтоб его, сейчас дует прямо от нас к ним.

Я посмотрел на дымящуюся метку. На трясущегося крупной дрожью Джестениса. На Силию, чьи глаза были абсолютно пустыми стекляшками. Мой источник мертв. Температура воздуха стремительно падает.

— Встаем, — хрипнул я, выплевывая горький корень. Оперся обеими руками о мокрый ствол и силой заставил свое тело подняться. Позвоночник прострелило острой болью, но я лишь крепче стиснул зубы. — Собирайтесь. Быстро.

— Дмитрий, мы не сможем... — в надломленном голосе Джестениса билось неприкрытое отчаяние. — Мы ведь даже не отдохнули. Я ног не чувствую.

— Останемся сидеть здесь — отдохнем уже навсегда, — я сделал решительный шаг прочь от спасительных корней. Холодный ветер тут же зло швырнул мне в лицо горсть колючего пепла. — Поднимай Силию. Элирия, веди нас. Гмых, ты замыкаешь.

Старый гоблин коротко кивнул, перехватывая свою ржавую железную трубу поудобнее. — Вот вам и поужинали, — угрюмо буркнул он себе под нос.

Мы снова шагнули в этот мертвый, промерзший лес. Пятеро измученных людей, слепо бредущих в надвигающуюся темноту. Просто потому, что остановиться сейчас значило позволить себя убить.

Глава 2

Темнота прятала нас, но не спасала от холода и далекого скулежа инквизиторских гончих. Мы брели через мертвый лес еще несколько часов, держась на одном упрямстве. Когда Джестенис начал валиться с ног, а мой собственный предел был давно пройден, Гмых молча свернул в густые заросли у подножия холма. Там он нашел укрытие.

Камень этой безымянной охотничьей сторожки был промерзшим, сырым и абсолютно глухим. Это была даже не постройка, а скорее выдолбленная в склоне холма нора, небрежно обложенная диким валуном. Наполовину ушедшая под землю от времени, с поросшей жестким черным мхом крышей и зияющим провалом вместо двери, эта берлога ничем не напоминала ровные линии зданий из моей прошлой земной жизни. Но сейчас, когда мы ввалились внутрь, эти уродливые, покрытые изморозью стены казались самым безопасным местом в умирающем мире. Они хотя бы резали этот проклятый ветер.

Мы переступили порог, как выброшенный на берег мусор после шторма, ломающего мачты и хребты. Без слов облегчения. Без судорожных, радостных вздохов. Мы просто упали туда, где не нужно было сопротивляться встречному потоку ледяного воздуха.

Джестенис рухнул сразу. Его колени подломились с глухим стуком, не выдержав веса истощенного, высушенного страхом тела. Он осел на гнилые, покрытые вековой трухой доски, тяжело утянув за собой Силию, и даже не попытался отползти в угол. Маг огня, боец элитной группы «Альфа», который еще недавно играючи жонглировал пламенем, просто свернулся в дрожащий, жалкий клубок прямо в замерзшей грязи, пряча ледяные руки подмышки.

Силия, наш маг льда и воздуха, осталась сидеть там, куда упала. Она привалилась спиной к шершавому камню, обхватила колени и замерла. Ее глаза, пустые, остекленевшие, неотрывно смотрели в темноту противоположного угла. Она ушла в себя. Диссоциативный ступор. Девушка заперла двери своего разума изнутри, спасаясь от безумия, которое принесла эта ночь. Для нее этот лес, этот холод и мы все перестали существовать. Осталась только спасительная пустота.

Гмых зашел последним. Старый гоблин тяжело, с влажным сипом втягивал воздух, но его желтые глаза оставались цепкими и по-звериному внимательными. Он не позволил себе упасть. Первым делом, кряхтя от натуги и не обращая внимания на гудящие суставы, он поднял с пола кусок полусгнившей дубовой столешницы и привалил ее к дверному косяку, чтобы хоть немного закрыть нас от сквозняка.

— Хоромы. Почти как мое общежитие. Только тут сквозняков поменьше.

Он обернулся ко мне. В полумраке его изрезанная шрамами морда казалась высеченной из камня.

— Я натяну струну на подходах, пацан. Битое стекло рассыплю. Это ни хрена не остановит гончих Инквизиции, если эти твари уверенно взяли след. Но даст нам пару секунд форы. Успеем хотя бы открыть глаза перед тем, как нам перережут глотки во сне.

— Сделай, — выдавил я. Каждое слово царапало гортань, словно я глотал битое стекло.

Гмых коротко кивнул, перехватил свою ржавую железную трубу и абсолютно бесшумной тенью выскользнул в узкую щель разбитого окна.

Я остался стоять посреди комнаты, крепко опираясь рукой о ледяную стену, чтобы просто не рухнуть лицом в грязь. Мое собственное тело казалось мне тяжелым, чужим куском мяса. Я всегда был здесь чужаком. Перерожденцем с Земли. Человеком, который привык всё рассчитывать, выстраивать логические цепочки и полагаться на законы физики, но волею чьей-то больной шутки оказался заперт в теле эльфа. В мире, где всё решала жестокая, бескомпромиссная магия.

Но раньше у меня был инструмент. Мой источник. Моя магия Истинного Света и Истинной Тьмы. У меня была моя ментальная броня — выстроенная в подсознании копия старой земной квартиры, за окном которой росло черно-белое Древо души.

Теперь внутри была только звенящая, глухая дыра. Серая магия — парадокс аннигиляции, который я сотворил в коллекторах Академии, — выжгла всё дотла. Смертельный вихрь стер изувеченного Метиаса из реальности, но вместе с ним сжег и мои эфирные каналы. Это ощущалось так, будто мне вскрыли грудную клетку тупым ножом и выпотрошили, оставив вместо легких сосущую, фонящую болью пустоту. Квартира рухнула. Древо осыпалось пеплом. Мои эльфийские уши больше не улавливали гудение силовых линий земли. Я оглох и ослеп магически. Я стал обычным, покалеченным эльфом без капли силы. Обузой, которая держится на ногах только за счет упрямства и привычки всё контролировать.

В дальнем конце сторожки, у самого широкого провала в стене, застыла Элирия.

Она не сняла тяжелого, пропитанного чужой и собственной кровью инквизиторского плаща. Бывшая карательница Ордена стояла идеально ровно, в своей фирменной, вбитой годами муштры армейской стойке. И это при том, что ее сломанные Метиасом ребра сейчас были сплошным очагом пульсирующей агонии. Я знал, что каждое дыхательное движение трет обломки костей друг о друга. Любой другой уже давно катался бы по полу, срывая голос.

Но Элирия стояла. В тусклом свете бледной луны ее человеческое лицо заострилось, лишилось мягких черт, превратившись в хищную, напряженную маску. Длинные, перепачканные грязью пальцы намертво сжали рукоять клинка.

Я заставил свои непослушные ноги двигаться. Медленно, перенося вес с одной стопы на другую, я пересек темную комнату и тяжело опустился на грязный пол в паре метров от нее, привалившись затылком к холодной, влажной кладке.

Ночь накрыла нас окончательно. Ветер снаружи усилился, со злобой швыряя в каменные стены горсти пепла, который с сухим шорохом оседал на подоконнике. Джестенис хрипло, надрывно застонал во сне. Силия не шевелилась вообще, слившись с темнотой.

Мы остались наедине. В этой воняющей пылью и старой кровью дыре. Человек с Земли, запертый в теле искалеченного эльфа, и женщина с Земли, лишившаяся своего Ордена, своей веры и своей цели. Два пришельца, которые когда-то умерли в одном мире, чтобы проснуться в этом кровавом абсурде.

Тишина между нами не приносила облегчения. Она была вязкой, тяжелой. Я кожей чувствовал, как от Элирии исходит колоссальное, почти осязаемое напряжение. Она не просто несла вахту. Она держала саму себя за горло стальной хваткой, чтобы не закричать, не сорваться и не распасться на куски. Я видел, как дрожит мышца на ее скуле. Видел, как неглубоко, прерывисто она дышит. Вся ее личность, годами выстраиваемая на фундаменте железной дисциплины Инквизиции, сейчас трещала по швам.

— Тебе нужно поспать, — тихо, стараясь не разрушить хрупкую тишину комнаты, ровным тоном произнес я. — Твои ребра не срастутся на одном упрямстве. Если пойдет воспаление, мы не сможем тебя вытащить. У меня больше нет Искры, чтобы выжечь инфекцию.

Элирия даже не повернула головы. Ее взгляд оставался намертво прикованным к черным силуэтам мертвых деревьев снаружи.

— Я спала по три часа в сутки на голом камне Цитадели на протяжении семи лет, Димитрий, — ее голос прозвучал так же ровно, но в этой ровности чувствовалась натянутая до предела струна. — Мое человеческое тело знает, как работать через боль. Сон сейчас — это потеря фокуса. А контроль — это единственное, что отделяет нас от превращения в таких же скулящих, беспомощных кусков мяса, как те двое на полу.

Ее голос был сухим, ломким. В нем не было той пугающей ледяной стали наставницы группы «Альфа», к которой я привык. В нем была только глухая, смертельная, разъедающая душу усталость.

— Орден хорошо тебя выучил, — просто констатировал я, вытягивая гудящие ноги по грязному полу.

Это был факт. Привычка называть вещи своими именами. Но эти четыре слова сработали как искра, брошенная в пересохший хворост.

Элирия медленно, словно преодолевая сопротивление густой воды, повернула ко мне голову. В полумраке сторожки ее глаза казались двумя бездонными, черными провалами.

— Выучил? — она произнесла это слово так, словно пробуя его на вкус, и вкус оказался отвратительным. — Ты ничего не понимаешь. Со всем своим хваленым земным умом, со своей вечной отстраненностью, ты всегда смотрел на нас со стороны. С холодным, высокомерным снисхождением. Для тебя мы были просто местными фанатиками. Псами, которым промыли мозги догмами и посадили на строгий ошейник.

Она не отвернулась. Она полностью развернулась ко мне всем корпусом, проигнорировав вспышку боли в сломанных ребрах. Пальцы на рукояти кинжала сжались еще сильнее. Я услышал тихий скрип кожаной оплетки эфеса.

— Ты всегда считаешь себя самым умным в комнате, — ее голос упал на полтона, становясь шипящим, опасным. Накопленный стресс прорвал плотину, и теперь вся горечь выливалась наружу. — Ты всегда думаешь, что можешь переиграть этот мир. Что твоя земная логика сильнее местной судьбы. Ты просчитываешь вероятности, ты играешь жизнями, как фигурами на доске. Но знаешь, в чем твоя главная проблема?

Она сделала короткий, тяжелый шаг в мою сторону.

— Твои расчеты всегда обходятся слишком дорого. И платят за них другие.

Внутри меня что-то оборвалось. Я знал, к чему она ведет. Я чувствовал, как она нащупывает мои самые незащищенные, кровоточащие шрамы, чтобы ударить именно туда. Ей нужно было сделать мне больно, чтобы заглушить собственную агонию.

— Где Мерелиана, Димитрий? — тихо, с убийственной жестокостью спросила Элирия.

Упоминание этого имени ударило меня под дых точнее любого кулака. Моя челюсть рефлекторно сжалась, зубы скрипнули. Золотая мана, поцелуй в лазарете, Реликтовый Глубинник в озере...

— Ты ведь обещал защитить ее, — продолжила Элирия, безжалостно проворачивая нож. — А потом ты нашел окровавленный стилет в своем тайнике и сошел с ума. Поддался паранойе. Ты обвинил ее в убийстве первокурсницы Ирэн. Ты обвинил ее в предательстве. Она дала тебе пощечину и убежала, а ты даже не попытался ее остановить. И что в итоге?

Элирия наклонилась ближе, ее глаза горели жестоким, холодным огнем.

— В итоге Метиас распял ее на центральном обелиске Академии. Он использовал ее аристократическую эльфийскую кровь, чтобы напитать ритуал Бездны. Она умирала там, разорванная на куски, из-за твоей проклятой паранойи. Ты считал себя умнее всех, Димитрий, а в итоге просто отдал ее в руки настоящему убийце. Ее кровь на твоих руках.

Я не ответил. Я сглотнул вязкую слюну, чувствуя, как перед глазами встает залитый золотой кровью обелиск. Мой аналитический барьер трещал по швам.

— А Векрис? — она не останавливалась. Она была методично, наотмашь. Ей было необходимо сделать мне так же больно, как было ей. — Наш добродушный гигант. Маг земли, который боялся лишний раз задеть кого-то на тренировке. Мы были группой «Альфа», Димитрий! Мы не были отбросами и смертниками, как болтали на первом курсе. Силия, Джестенис, Векрис... они прошли с тобой Дикий лес. Они рвали скверноволков, бились насмерть с выским мутантом и эльфийскими ассасинами. Они поклялись прикрывать твою спину, даже если это будет означать государственную измену!

Голос Элирии дрогнул, но тут же снова налился яростью.

— И как ты оплатил им? Векрис закрыл тебя своим телом от отравленного стилета Оруэлла! Он держал этого лорда своими голыми, пробитыми руками, захлебываясь ядом и

кровью, чтобы ты мог его сжечь! И всё, что этот огромный, преданный парень получил в итоге — это безымянная яма в лесной грязи и твой дурацкий амулет в мертвой руке! Все, кого ты пытаешься спасти, умирают!

Каждое ее слово было правдой. Абсолютной, выжигающей кислотой правдой. От этого было невыносимо тошно. Я чувствовал, как ногти впиваются в ладони, протыкая кожу до крови.

— И каждый раз, — ее голос задрожал от сдерживаемой ярости, — каждый гребанный раз ты считаешь себя умнее системы. Умнее Инквизиции. Умнее самих богов. Ты ломаешь правила, а счет за твое высокомерие оплачиваем мы!

Она тяжело дышала, нависая надо мной. Я видел, как в ее глазах, лишенных слез, горит сухой, испепеляющий огонь. Это была не истерика. Это был холодный, накопленный взрыв человека, который слишком долго держал себя в ежовых рукавицах и теперь выплескивал всю боль наружу.

— Но тебе было мало погубить своих друзей, — ее голос превратился в змеиное шипение. Она переходила от моих личных потерь к своему собственному, глобальному краху. — Тебе нужно было пойти дальше.

Она наклонилась, опираясь рукой о стену рядом с моей головой. От нее резко, болезненно пахло потом, железом и кровью.

— Когда я... когда мы оказались в этом мире, проснувшись после Земли, — она снова коснулась нашего прошлого, — я думала, что сойду с ума. Моя человеческая психика не выдерживала этого кровавого хаоса, где магия сжигает людей заживо, а лорды плетут интриги. Мне нужна была опора. И Орден дал мне ее. Он дал мне смысл. Он дал мне жесткую структуру, ради которой стоило просыпаться в этом аду. Дисциплина держала меня в рассудке.

Мышцы на ее лице напряглись, превращая его в маску ненависти.

— А ты уничтожил ее. Ты осознанно расщепил сознание в коллекторе. Ты ударил своей Серой магией и взорвал всё! Ты выпустил Неопалимого, древнее зло, которое мы клялись сдерживать ценой жизней. Ты стер Академию Кертании с лица земли, оставив одну дымящуюся воронку! И ты уничтожил мой Орден. Ты разрушил единственную систему, которая давала мне смысл выживать здесь! Ты растоптал все, во что я верила, все, ради чего я убивала и истекала кровью!

Она больше не могла сдерживать потребность в физическом действии. Ей нужно было разрушить что-то снаружи, потому что внутри она уже была разрушена.

Движение было стремительным, отточенным сотнями часов инквизиторских тренировок. Мой лишенный магии, замедленный усталостью организм не успел даже дернуться. Я не успел поднять руку для блока.

Лязг стали.

Тяжелое, бритвенно-острое лезвие инквизиторского кинжала жестко уперлось мне прямо под подбородок. Элирия тяжело опустилась на одно колено передо мной, силой вжимая мой затылок в каменную кладку стены. Острие вдавилось в кожу гортани ровно настолько, чтобы пустить каплю теплой крови, но не перерезать артерию.

Ее лицо оказалось в десяти сантиметрах от моего. Я чувствовал ее неровное, горячее дыхание. Зрачки Элирии сузились в две крошечные черные точки на фоне красных от недосыпа белков.

Она не позировала. Это не было попыткой запугать. В этот конкретный момент она действительно, абсолютно искренне была готова меня убить. Одно рефлекторное сокращение ее пальцев — и моя гортань будет вскрыта. Ей жизненно необходимо было найти виновного во всем этом кошмаре. И я был идеальной мишенью.

Я не шелохнулся. Не попытался отвести клинок. Я просто смотрел прямо в ее безумные, поглощенные яростью глаза, чувствуя, как теплая кровь медленно ползет по моей шее.

— Это всё ты, — прошептала она. Ее шепот резал слух сильнее крика. — Если бы мы убили тебя еще тогда, в подвалах Цитадели, выжгли бы твою Искру дотла — этот мир был бы цел! Если бы ты сдох, тысячи были бы живы! Тот расколовшийся в небе кусок солнца — это твоя вина!

Я молчал, позволяя ей выговориться. Я заслужил каждый удар.

— Скажи мне, Димитрий, — прошипела она, надавливая на лезвие так, что боль стала обжигающей. — Скажи мне, что ты просто ошибся. Скажи, что твой хваленый математический расчет дал сбой. Скажи, что ты не понимал, что творишь, когда вызывал аннигиляцию! Признай, что ты заигрался!

Я смотрел на нее долгие несколько секунд. В тишине сторожки было слышно только ее сбитое дыхание и завывание ветра снаружи.

Я мог бы соврать. Мог бы защититься речами о том, что у меня не было выбора. Мог бы сказать, что Сосуд бога убил бы нас всех, и это была чистая самооборона. Я мог бы попытаться спрятаться за красивыми словами о неизбежности.

Но я слишком устал для лжи. И я слишком уважал ту чудовищную боль, которую она сейчас испытывала, чтобы кормить ее жалкими оправданиями.

Я чуть приподнял подбородок, осознанно насаживаясь на лезвие еще на долю миллиметра, и ответил. Мой голос звучал очень тихо, абсолютно ровно и страшно спокойно. В нем не было ни капли надрыва.

— Я не ошибался, Элирия.

Она замерла. Ее рука дрогнула.

— Я прекрасно понимал, что делаю, — продолжил я, чеканя слова. — Когда Метиас пробил мне грудь, мой разум работал идеально. Я знал, что Серая магия — это парадокс, стирающий саму ткань реальности. Я просчитал вероятность. Я знал, что удар разрушит Печать. Я понимал, что Неопалимый вырвется на свободу и разорвет небо. Я всё это осознавал.

Ее губы приоткрылись. Она смотрела на меня так, словно перед ней материализовался демон из Бездны.

— Ты... ты знал? — выдохнула она, и в этом звуке было столько чистого ужаса, что он почти обрел физический вес. — Ты знал, что уничтожишь Академию? Что погубишь континент? И ты всё равно ударил?! Почему?!

Я тяжело, глубоко вздохнул. Настало время для самой черной, самой отвратительной правды.

— Потому что мне плевать на этот мир, Элирия.

Она вздрогнула, словно я ударил ее по лицу. Лезвие кинжала у моего горла мелко задрожало.

Я поднял свою тяжелую руку и медленно обхватил ее ледяные, дрожащие пальцы, сжимающие рукоять кинжала. Я не отводил клинок от своего горла. Я просто держал ее руку.

— Важны лишь вы.

Я сжал ее пальцы чуть сильнее.

— И знаешь, что самое страшное, Элирия? Самое страшное то, что я ни секунды не жалею об этом. И если бы время отмотали назад, и мне пришлось бы снова выбирать между вами и этим континентом... я бы снова сжег его. Не раздумывая.

Мое признание повисло в холодном воздухе старой сторожки. В нем не было раскаяния. Только ледяная, абсолютная, эгоистичная человеческая правда перерожденца, который вцепился в своих близких мертвой хваткой.

Это было тотальным разрушением всего, на чем Элирия строила свою новую личность в этом теле.

Она выживала здесь, заставляя себя верить в высший долг. Она всю жизнь выбирала долг вместо людей, чтобы не сойти с ума, пытаясь оправдать кровь на своих руках.

А я просто выбрал людей. Я выбрал тех, кто лежал сейчас на грязном полу. Я выбрал ее.

В этот момент в ее голове сломалось всё. Она поняла, что я не безумец, одержимый жаждой разрушения. Я не герой. И я не чудовище. Я просто человек, который осознанно выбрал своих близких вместо миллионов незнакомцев.

И эта голая, примитивная, первобытная преданность оказалась страшнее и реальнее любой идеологии, которую ей когда-либо внушал Орден. Она выбила почву из-под ее ног окончательно.

Хватка на рукояти кинжала внезапно ослабла. Пальцы Элирии разжались, словно сталь вдруг раскалилась добела. Тяжелый клинок выскользнул из ее руки и с глухим, тяжелым стуком упал на грязные доски пола.

Она не закричала. Не зарыдала, закрыв лицо руками. Истерики, которую можно было бы успокоить, не последовало. Было нечто гораздо более непоправимое.

Она просто медленно, словно марионетка, которой одним движением перерезали все нити, сползла по каменной стене. Она осела на пол рядом со мной, подтянув колени к груди. Ее напряженные плечи бессильно опустились.

Впервые за все то время, что я ее знал, Элирия полностью потеряла свою выверенную, хищную осанку Инквизиции. Вся стальная выправка вытекла из нее без остатка, оставив лишь измученную, смертельно уставшую женщину с Земли, которая больше не знала, кто она такая и зачем ей дышать.

Она сидела, привалившись плечом к холодному камню, и просто смотрела в темноту пустым, выжженным взглядом.

Тишина в сторожке стала абсолютно мертвой. Только снаружи завывал ледяной ветер, царапая мертвые стены. Джестенис продолжал хрипло дышать во сне. Где-то в лесу, среди голых деревьев, дежурил Гмых.

Мы сидели так очень долго. Кровь засыхала на моей шее, стягивая кожу, но я не обращал на нее внимания. Сказав эту правду, я тоже лишил себя последней защиты. Между нами не осталось ничего, кроме пепла.

Наконец, когда серая мгла за провалом окна начала едва заметно светлеть, предвещая новый бесконечный день, Элирия чуть заметно пошевелилась.

Она не повернула ко мне головы. Она смотрела прямо перед собой.

— Кто мы теперь такие, Димитрий? — ее голос был настолько тихим и бесцветным, что мне пришлось напрячь слух. В этом вопросе больше не было злости, ненависти или поиска виноватых. Это был шепот потерянного существа, обнаружившего себя посреди абсолютной пустоты мертвого мира.

Я смотрел на грязный пол, на брошенный между нами кинжал и на серое небо за окном. Мой изощренный земной ум был бессилен. У нас больше не было определений. Не было статусов. Не было Ордена, не было Академии, не было магии. Мы стали никем.

— Не знаю, — честно ответил я.

Глава 3

Ответа на вопрос Элирии у меня не было. Мое «не знаю» тяжело повисло в холодном воздухе сторожки, и после этого мы больше не сказали друг другу ни слова.

Мы просто сидели в темноте. Опустошенные. Выгоревшие до самого дна. Адреналин, который держал меня на ногах после разрушения Академии и бегства по Дикому лесу, окончательно иссяк. Мое искалеченное, лишенное магии тело просто отключилось. Я так и не понял, в какой момент провалился в тяжелое, черное забытие. Это был даже не сон, а просто провал в пустоту, где не было ни мыслей, ни образов — только ноющий холод, пробирающийся до самых костей.

Я проснулся от звука.

Резкий, сухой щелчок где-то снаружи. Как будто переломили толстую ветку. Следом — тихий, раздраженный рык, больше похожий на клекот.

Я мгновенно открыл глаза, пытаюсь сфокусировать зрение в мутном, свинцовом полумраке, который медленно заполнял сторожку сквозь дыры в крыше. Рассвет уже наступил, но за тучами и падающим пеплом его почти не было видно.

В узкий провал окна бесшумно, но тяжело скользнула темная фигура. Гмых спрыгнул на грязный пол и сразу же повернулся к нам. В его движениях не осталось и следа стариковской неторопливости. Только жесткая, деловая спешка.

— Встаем. Быстро, — хрипло бросил гоблин.

Я оперся ладонями о ледяные доски и заставил себя сесть. Мышцы спины скрутило судорогой, суставы отозвались тупой болью. — Что там?

— Моя струна лопнула, — Гмых подошел ближе, на ходу проверяя свою железную трубу. — Я ставил растяжку с битым стеклом между корней на южном склоне. Осколки хрустнули минуту назад. Кто-то наступил.

— Зверье? — спросил я, пытаюсь разогнуть онемевшие ноги.

Гоблин покачал головой. — Идут слишком ровно. Цепью. И молча. Ветер к утру стих, сырость прибила пепел, так что наш запах сейчас висит над землей, как мокрая псина. След взяли уверенно. У нас от силы минут десять, если они не побегут.

Я заставил себя подняться. Колени дрожали от слабости. Без магии я ощущал себя просто куском мерзнувшего мяса, который слишком медленно двигается. — Собираем всё, что есть. Уходим.

Джестенис дернулся от моего голоса и резко сел. Парень выглядел отвратительно. Бледная, с сероватым оттенком кожа, черные круги под глазами, губы потрескались до крови. Но слова Гмыха он услышал и понял сразу. Страх сработал лучше любого будильника.

Я посмотрел на Элирию. Она сидела там же, где и ночью. Привалившись к стене. Бывшая инквизиторша медленно, с трудом поднялась на ноги, морщась от боли в сломанных ребрах. В ней не осталось ничего от прежней наставницы. Никаких команд, никаких проверок периметра. Она просто машинально поправила ножны с кинжалом. Ее взгляд был абсолютно пустым.

Мое внимание переключилось в угол.

Силия всё так же сидела на полу, крепко обхватив колени руками. Она не пошевелилась ни когда лопнула струна, ни когда мы начали собираться. Ее глаза смотрели сквозь камни стены.

Я подошел к ней. Девушка ушла в себя. Разум просто выбил пробки, чтобы не сгореть от ужаса прошедших суток. Она спряталась где-то глубоко внутри, и реальность для нее сейчас не существовала.

Раньше я мог бы пустить по ее нервам очищающий импульс маны Света. Выжечь этот ступор, привести ее в чувство за секунду. Или просто закинуть на спину и нести часами, питая мышцы эфиром. Но сейчас мои каналы были мертвы. Я был пуст.

Если мы попытаемся тащить ее волоком, мы замедлимся вдвое. Поисковики догонят нас через полмили и перережут нам глотки прямо в грязи.

Джестенис оказался рядом. Он тоже это понимал.

— Силия, — его голос задрожал от слабости и паники. — Силия, вставай. Нам надо идти. Пожалуйста.

Он потянул ее за рукав куртки. Она повалилась на бок, как брошенная кукла, не издав ни звука. Лицо оставалось мертвым.

— Димитрий, сделай что-нибудь, — Джестенис резко обернулся ко мне. В его глазах билось настоящее отчаяние. — Вытащи ее! Ты же можешь!

— Не могу, Джестенис, — жестко ответил я. — Моя магия выгорела. Я ничего не могу сделать.

Парень перевел ищущий взгляд на Элирию. Бывшая инквизиторша просто стояла у выхода и смотрела перед собой. Никаких команд. Ждать помощи было не от кого.

Джестенис посмотрел на свои дрожащие, измазанные грязью руки. Если он ничего не предпримет, они оба останутся здесь. Он опустился на колени рядом с Силией. С его лица исчезла паника, уступив место тяжелой, угрюмой решимости.

— Прости, Силия, — тихо сказал он.

Его ладонь легла ей на голую шею. Джестенис был истощен и замерз, но всё еще оставался боевым магом огня. В сырой воздух сторожки ударил резкий запах паленых волос и жженой кожи.

Он не стал ее трясти или уговаривать. Он просто пустил через пальцы концентрированный импульс тепла. Короткий термический ожог.

Тело Силии резко выгнуло дугой. Она вскрикнула — коротко и хрипло, вцепившись пальцами в запястье Джестениса, пытаясь оторвать его обжигающую руку от своего горла. Болевой шок сработал. Выбил ее из ступора обратно в реальность.

Джестенис тут же отдернул ладонь и схватил ее за плечи, жестко прижимая к полу. На ее шее быстро краснел след от пальцев.

— Дыши, — сказал он ей в лицо. Голос сорвался, но прозвучал твердо. — Дыши. Мы сдохнем здесь через пару минут, если ты сейчас не встанешь.

Она судорожно хватала ртом холодный воздух. В расширенных глазах появилось осмысление. Взгляд сфокусировался.

— Вставай, — Джестенис рывком поставил ее на ноги. Он закинул ее руку себе на плечо, принимая часть веса. — Я буду держать тебя. Но идти ты должна сама.

Он посмотрел на меня. Губы парня были плотно сжаты. — Мы готовы.

Я коротко кивнул. Мой рассудок просто зафиксировал факт: боевая единица восстановлена, группа может двигаться дальше.

— Выходим, — бросил Гмых, отодвигая столешницу от проема. — След в след. Без шума. Мы вышли из сырой темноты сторожки наружу.

Лес встретил нас тишиной. Серый пепел падал с неба, засыпая землю, но его не хватало, чтобы перебить запах пота и крови. Мы двинулись на восток, вглубь чащи, прочь от склона, где сработали растяжки.

Я шел вторым, за спиной гоблина. За мной, тяжело дыша при каждом шаге, брел Джестенис, таща на себе Силию. Элирия замыкала цепочку, механически оглядываясь назад.

Прошло десять минут. Может, пятнадцать. Мышцы ног горели от напряжения, ледяной воздух вперемишку с пеплом обжигал легкие. Каждый шаг по вязкой, стылой грязи давался с трудом.

А затем мы слышали их.

Звук пришел не со спины, откуда мы его ждали, а справа. С фланга.

Сначала слабый хруст ветки. Затем — низкий, влажный звук. Не собачий лай. Глухое, утробное рычание существа, учуявшего мясо. Звук, от которого мышцы рефлекторно каменеют.

Они обходили нас по дуге. Брали в кольцо.

Гмых резко остановился и поднял кулак. Мы замерли, стараясь дышать как можно тише.

В тридцати метрах от нас, среди голых кустов, скользнули два огромных приземистых силуэта. Инквизиторские гончие. Лишенные шерсти, покрытые серой кожей, с неестественно широкими челюстями. Они не бежали свободно, а натягивали короткие поводки.

За ними, сливаясь с серым фоном мертвого леса, бесшумно шагали фигуры в темных, матовых доспехах. Серые плащи. Глухие шлемы. В их руках тускло мерцало аркановое оружие.

Поисковый отряд Искателей Истины.

Нас обошли и отрезали. А у меня не было ничего, чем я мог бы их встретить, кроме собственных голых, бесполезных рук.

Гмыха рядом не было.

Я скосил глаза вправо, но старый гoblin просто растворился в сером подлеске, как дым на ветру. Это было в его стиле — исчезнуть за секунду до прямого столкновения, чтобы бить из слепой зоны. Если, конечно, он не решил, что наши шансы равны нулю, и не ушел спасать собственную шкуру. Сейчас это уже не имело значения.

Искатели Истины остановились в двадцати шагах. Трое в тяжелой броне. Вожак в глухом шлеме молча поднял руку, закованную в латную перчатку, и сделал короткий, рубящий жест.

Лязгнули железные карабины. Поводки упали в грязь.

Инквизиторские гончие рванулись вперед без лая, в полной, жуткой тишине, лишь влажно отталкиваясь мощными лапами от стылой земли. Одна тварь пошла по дуге на Элирию, вторая прямым броском кинулась на Джестениса и Силию.

— Джестенис, лево! — крикнул я, отступая за ствол мертвого дерева. Без магии я не мог поставить щит. Не мог ударить в ответ. У меня оставались только эльфийские рефлексy и скорость, но против арканового оружия Искателей этого было ничтожно мало.

Джестенис не стал плести сложных академических заклинаний. У него не было на это ни времени, ни концентрации. Он просто выбросил вперед обе руки, с силой выталкивая из режущее пламя

Воздух взорвался. Густое, оранжевое пламя ударило в морду летящей гончей. Это не был сфокусированный боевой поток, скорее грубый выплеск ярости и страха. Тварь завизжала — пронзительно, почти по-человечески, — когда огонь слизнул серую кожу с ее черепа. Она рухнула в грязь, катаясь и ломая кусты, ослепленная болью.

Элирия встретила свою гончую иначе.

Бывшая инквизиторша не отступила ни на шаг. Когда трехсоткилограммовая туша мутанта взвилась в прыжке, метя челюстями ей в горло, Элирия просто упала на одно колено, пропуская тварь над собой, и коротким, чудовищным по силе движением вспорола ей брюхо эльфийским кинжалом от грудины до паха. На нас хлынул горячий, тошнотворный дождь из крови и внутренних органов. Тварь рухнула за ее спиной, судорожно скребя землю когтями.

Искатели не дали нам времени на передышку. Они ударили синхронно. Двое бросились на Элирию, третий, перехватив мерцающий меч, пошел прямо на меня.

Я ушел с линии атаки в последний момент. Аркановое лезвие со свистом рассекло воздух там, где секунду назад была моя шея, и с хрустом врубилось в ствол мертвого дерева. Во все стороны брызнули щепки. Искатель дернул меч на себя, пытаясь высвободить клинок из древесины, и это дало мне долю секунды.

Я шагнул вперед, сокращая дистанцию до минимума, и изо всех сил ударил локтем в стык его шлема и нагрудника. Пальцы отозвались тупой болью от удара о металл, но Искатель пошатнулся. Я схватил тяжелый, угловатый камень, валявшийся у корней, и с размаху всадил его в забрало. Стекло со звоном треснуло. Солдат глухо зарычал, отпуская рукоять застрявшего меча, и наотмашь ударил меня бронированной перчаткой по ребрам.

Меня отшвырнуло в грязь. Дыхание выбило из легких. Я перекатился, уходя от его сапога, нащупал в пепле толстую сухую ветку и, вскочив, с силой ткнул ее прямо в треснувшее забрало. Искатель взвыл, схватившись за лицо.

Краем глаза я видел, что происходит у Элирии.

Она не просто защищалась. Она убивала. Это не было похоже на академический бой. Это была чистая, концентрированная бойня. Инквизиторша двигалась с пугающей скоростью, игнорируя сломанные ребра. Она встретила первого Искателя, жестко блокируя его удар предплечьем, закованным в стальной наруч, ушла в сторону и вогнала кинжал глубоко подмышку, туда, где броня не защищала сустав. Кровь брызнула ей на лицо, но она даже не моргнула.

Она выдернула клинок, развернулась и ударила второго ногой в колено. Раздался тошнотворный хруст сустава. Искатель рухнул на землю, и Элирия без колебаний вонзила сталь в щель его шлема.

Я смотрел на нее и понимал: она не просто дерется за жизнь. Она вымещает на них всё. Всю ту ярость, боль и пустоту, которая сожрала ее прошлой ночью. Каждый удар был попыткой убить собственное прошлое. Она кромсала систему, которая ее предала, вырезая из себя остатки веры вместе с их жизнями.

В этот момент обожженная гончая Джестениса, скуля и хрипя, слепо рванулась вперед. Она сбила парня с ног. Маг огня тяжело рухнул на спину, выронив из рук слабый стусок пламени. Ослепшая, обезумевшая от боли тварь клацнула челюстями в дюйме от его лица, забрызгивая его слюной и кровью.

Джестенис закричал, пытаясь удержать скользкую от слюней и крови морду мутанта голыми руками. Тварь давила массой, ее когти рвали куртку парня.

Силия стояла в двух шагах от них.

Девушка больше не смотрела в пустоту. Ожог на ее шее от пальцев Джестениса, дикий крик мага, запах паленого мяса и вид рвущего его мутанта — всё это ударило по ней с силой кувалды.

Воздух вокруг Силии резко, аномально помутнел. Температура упала настолько быстро, что на голых ветвях вокруг нее мгновенно выступил толстый слой инея.

Она не произнесла ни слова. Девушка просто вскинула обе руки ладонями вверх, ее глаза сузились, наливаясь ледяным, прозрачным бешенством.

Земля под лапами гончей взорвалась. Прямо из промерзшей грязи с оглушительным хрустом вырвался массивный, неровный шип мутного льда. Он пробил живот твари насквозь, пригвоздив ее к земле, и вышел между лопаток. Гончая издала булькающий звук, судорожно дернула задними лапами и обмякла, заливая лед темной кровью.

Джестенис с трудом спихнул с себя мертвую тушу и сел, тяжело дыша. Он поднял взгляд на Силию. Девушка стояла, опустив руки. Ее грудь тяжело вздымалась, ноздри раздувались от нехватки кислорода, но взгляд был абсолютно ясным. Она была жива. Она вернулась в реальность.

Мой противник, ослепленный ударом в забрало, с ревом бросился на меня вслепую, размахивая тяжелым кулаком. Я уклонился, схватил его за ремень на поясе и, используя его же инерцию, с силой швырнул лицом в торчащий из земли обломок скалы. Металл шлема смялся с глухим, тошнотворным звуком. Искатель обмяк.

Бой закончился так же стремительно, как и начался.

На земле лежали три мертвых поисковика и две изувеченные гончие. Серая грязь перемешалась с кровью, паленой кожей и раскрошенным льдом.

Я привалился спиной к дереву, с трудом втягивая в горящие легкие морозный воздух. Ребра ныли от удара бронированной перчатки. Джестенис медленно поднялся на ноги, отряхивая куртку от собачьей слюны, и подошел к Силии. Он не стал ничего говорить, просто крепко сжал ее плечо. Она кивнула ему в ответ — коротко и жестко.

Элирия стояла над трупом Искателя. Она медленно вытерла окровавленный кинжал о серый плащ убитого. Ее лицо было перепачкано чужой кровью, но в движениях снова появилась та самая уверенность хищника. Инквизиторская осанка не вернулась — вместо нее появилась звериная, суровая грация человека, который только что убил и готов убить снова.

Я смотрел на них и понимал одну страшную, парадоксальную вещь.

Нам нужна была эта бойня. Этот короткий, жестокий выплеск адреналина. Бесконечное, выматывающее бегство от Академии, ночевка в ледяной норе, философская пустота и давящее чувство вины медленно убивали нас изнутри. Они парализовали волю.

А здесь, в крови и грязи, всё снова стало предельно простым. Больше не было ни Ордена, ни сгоревшего континента, ни сломанных идеалов. Была только чистая, примитивная физиология выживания. Убей или сдохни сам. Этот бой стал для нас своеобразной терапией. Он выжег накопившуюся злость, заставил кровь быстрее бежать по венам и вернул нам способность сопротивляться. Мы сбросили напряжение.

Тишину нарушил сухой треск ветки откуда-то сверху.

Мы мгновенно вскинули головы.

Гмх сидел на толстой ветке старого вяза прямо над нашими головами, свесив короткие ноги. В его руках был зажат небольшой, изящный арбалет, снятый с трупа эльфийского ассасина еще в Диком лесу.

— Вы слишком много шумите, — проворчал старый гоблин, спрыгивая на землю с удивительной для его возраста легкостью. — Я зашел им за спину, чтобы снять замыкающего, а вы тут устроили скотобойню на весь лес.

Он подошел к телу вожака Искателей, пнул его сапогом в бок и деловито наклонился, чтобы срезать с его пояса кожаный подсумок с припасами.

— Но сработали чисто, — нехотя признал Гмх, бросая мешочек Джестенису. — Девочка вон даже глаза открыла. Это хорошо. Потому что поисковый отряд никогда не ходит один. Если они не выйдут на связь через полчаса, сюда стянут еще два десятка таких же псов. Поднимаемся. Идем дальше.

Глава 4

Запах горелого мяса и свежей крови все еще стоял в горле. ГмыХ был прав — поисковые отряды не ходят поодиночке. Если мы задержимся здесь хотя бы на минуту, нас обнаружат.

— Уходим, — сказал я, с трудом втягивая в легкие морозный воздух. — Джестенис, Силия, идите за ГмыХом. Элирия, ты со мной.

Мы бросились прочь от растерзанных тел Искателей. Лес быстро сомкнулся за нашими спинами. Серый пепел падал все гуще, забивался за воротник, скрипел на зубах и оседал на влажных волосах. Мы шли быстрым, рваным шагом, продираясь сквозь колючие голые кусты.

Без магии мое тело превратилось в кусок слабого мяса. Выжженные эфирные каналы ныли тупой болью, но я просто механически переставлял ноги, стараясь не отставать.

Впереди тяжело дышал Джестенис. Парень ломал плечами сухие ветки, прокладывая путь. Рядом с ним шла Силия. Оцепенение прошло, и теперь она двигалась ровно и осознанно. Девушка больше не смотрела в пустоту, ее взгляд цепко скользил по деревьям в поисках опасности.

Справа от меня шла Элирия. Она переставляла ноги с упорством сломанного механизма. Я видел, как при каждом шаге дергается мышца на ее бледной щеке и как она дышит мелкими глотками, стараясь не тревожить сломанные ребра. Но она ни разу не сбилась с ритма.

Мы шли без остановок около двух часов. ГмыХ, двигавшийся впереди серой тенью, наконец остановился у крутого каменистого склона.

— Сюда, — он махнул рукой на узкую расщелину между скалами, заваленную упавшими стволами.

Мы протиснулись через каменный лаз, ободрав куртки, и оказались внутри старой заброшенной заставы. Это была небольшая пещера, вырубленная прямо в скале. Часть потолка давно обрушилась, но задняя стена сохранилась. Здесь было сухо, а толстый камень надежно защищал от ледяного ветра.

Джестенис рухнул на пол первым. Он привалился спиной к валуну, вытянул длинные ноги и закрыл глаза, жадно хватая ртом воздух. Силия опустилась рядом и достала кусок грязной ткани, чтобы вытереть чужую кровь со своих рук.

Элирия прислонилась к стене у входа. Медленно, морщась от боли, она расстегнула ремни тяжелого нагрудника и сползла по камню вниз, только убедившись, что снаружи тихо.

Я сел на плоский камень в центре укрытия. Ноги гудели, хотелось просто провалиться в темноту, но нужно было думать, что делать дальше.

ГмыХ не стал отдыхать. Он подошел и с глухим стуком бросил на землю плотный кожаный тубус, снятый с убитого Искателя. Старый гоблин присел на корточки, достал нож и просто разрезал толстую кожу вдоль шва.

На грязный пол выпал рулон воощенной бумаги.

— Посмотрим, какие новости у покойников, — проскрипел ГмыХ, разворачивая рулон.

Это была карта центральной и западной частей континента. Пожелтевшая бумага пестрела свежими пометками. Красные крестики. Черные круги. Пунктирные линии.

Я наклонился вперед, вглядываясь в линии. Элирия, несмотря на боль в ребрах, тоже подошла ближе. Она мгновенно уловила суть этих пометок.

— Они ищут нас не наугад, — тихо сказала Элирия. В ее голосе звучала лишь мрачная усталость. — Это не просто патрули.

Я вгляделся в узоры на бумаге. — Это сеть, — сказал я, указывая на пересекающиеся линии возле основных дорог и рек. — Они разделили лес на квадраты. Красные точки — это мобильные отряды. Они стягивают петлю.

— Они пускают гончих по следу, а потом стягивают в квадрат крупные силы, — Элирия провела пальцем по черному кругу, нарисованному вокруг того места, где раньше была Академия. — Это приказ о тотальной зачистке. Если они найдут хоть какой-то след, то выжгут весь сектор.

ГмыХ сухо кашлянул. — И прямо сейчас мы сидим в квадрате, который закрашивают черным. Те трое, которых вы убили, были лишь каплей в море. Завтра здесь пройдет целая армия.

Старый гоблин поднял на нас глаза.

— Остаться в этом лесу — словно добровольно отдаться им в руки, — прямо заявил он. — Они перекроют все пути. Нас загонят в угол и сожгут. Рано или поздно. Скорее рано.

Джетенис первым нарушил тягостное молчание. Парень нервно сглотнул, запустив пальцы в грязные волосы.

— Но куда нам идти? — его голос сорвался. — Города закрыты. В деревнях нас сдадут первому же патрулю. Куда?

Силия перевела взгляд с карты на Джестениса. — По дорогам тоже не пройти, — тихо, но спокойно произнесла она. — Мы оставили следы. Если выйдем на открытую местность, нас сожгут воздушные патрули.

Элирия выпрямилась. От резкого движения ее лицо побледнело из-за сломанных ребер, но она шагнула к нам.

— Мы не можем просто сбежать, — жестко сказала она. — Бегство — это окончательное признание вины. Мы должны выйти к крупному гарнизону и потребовать трибунала. Мы расскажем, как всё было на самом деле. Что сектанты загнали нас в угол и у тебя не было другого выхода, кроме как использовать Тьму...

— Кому расскажем? — я поднялся с камня и подошел к ней вплотную. — Элирия, очнись. Ты обезглавила старшего Искателя Истины у них на глазах. Ты сбросила своих бывших соратников со стены крепости.

Она упрямо сжала губы, но я не отвел взгляд и продолжал оперировать сухими фактами:

— Командир паладинов официально объявил нас еретиками, действующими заодно с Бездной. Для Инквизиции мы больше не люди — мы убийцы их братьев, из-за которых бог вырвался на свободу и стер Академию в пыль. Никакого трибунала не будет. Нас не станут допрашивать. Я ткнул пальцем в карту. — Вот это — приказ на ликвидацию. Нас сожгут на месте при первой же встрече. Остаться на Кертании — гарантированное самоубийство. Нам нужно уходить на другой континент.

Джетенис растерянно моргнул. — На другой континент? Куда? В Вольные города Олантора?

— Олантор слишком близко, — покачал я головой. — У Инквизиции хватит золота, чтобы подкупить их гильдии. Нас продадут Искателям на второй же день.

— А твоя родина, ГмыХ? — парень с надеждой посмотрел на гоблина. — Земли гоблинов? Туда Искатели Истины точно не сунутся.

ГмыХ хрипло рассмеялся, высекая искру кресалом. — Туда они не сунутся, это верно, — он раскурил трубку, выпуская едкий дым. — Но если мы подойдем к границе, мои соплеменники прирежут нас ещё на подходе. Я для них изгой, пацан. А за эльфийские и человеческие уши на невольничьем рынке дадут хорошую цену. Забудь.

В пещере снова повисло молчание.

— Верталерион, — вдруг произнес гоблин.

Элирия нахмурилась. — Верталерион? Это на другом конце света. Там своя жесткая политика, свои законы. У нас нет ни связей, ни золота.

— Зато там есть свои правители с большими армиями, — парировал ГмыХ. — Они не потерпят на своей земле чужих карателей. Юрисдикция Инквизиции заканчивается у берега. Они могут прислать по наши души наемников, но не флот.

Он затынулся еще раз, внимательно разглядывая нас. — Но дело не только в этом. Рядом с Верталерионом есть один отдаленный остров. Старые наемники иногда болтали в портовых тавернах, что глубоко в джунглях острова находятся руины древнего храма. Элинарии Богини Жизни.

Джестенис нервно дернул плечом. — ГмыХ, мы тут подышаем, за нами идет армия, а ты травишь байки про древние храмы?

— Заткнись и слушай, — беззлобно осадил его гоблин и посмотрел прямо на меня. — Ходили слухи, что там можно получить благословление Богини, говорили, что своим благословлением она может восстанавливать даже связь с источником и изувеченные каналы маны.

Я замер. Слова гоблина поразили меня, заставив забыть об усталости. Восстановить каналы. Снова стать магом. Вернуть контроль над реальностью.

Мой мозг рефлекторно начал отключать эмоции. Легенда. Слухи наемников. Никаких доказательств. Храм мог разрушиться тысячу лет назад.

Но я посмотрел на тубус с картой. Здесь нас просто убьют. А океан и другие материки — это реальность. Геополитика объективна. На Верталерионе нет такого количества искателей истины. Туда нужно плыть, и шторм — идеальная физическая преграда для преследователей. Легенда о храме была лишь приманкой, возможным бонусом. Но Верталерион давал единственный реальный шанс выжить.

— Остров возле Верталериона, — ровным голосом произнес я. — Это означает прорыв к морю. Через три кольца оцепления.

— Это лучше, чем сидеть здесь и ждать, пока разожгут костер, — ГмыХ выбил трубку о камень. — На побережье еще можно найти ублюдков, которые переправят нас через океан. Я знаю тропы к нужным бухтам.

Я перевел взгляд на Элирию.

Она смотрела на свои грязные руки. Ей было тяжело. Ей нужно было окончательно признать, что ее долг выполнен, что родина для нее потеряна.

— Инквизиция не сможет устроить там тотальную облаву, — сказал я ей, озвучивая сухие факты. — Если мы уйдём на другой континент, они нас не найдут. Это единственный логичный маршрут.

Она медленно подняла голову. В ее взгляде появилась холодная решимость. Она выпрямилась — тяжелым движением смертельно уставшего, но свободного человека.

— Верталерион, — твердо сказала Элирия. — Мы идем к побережью.

Я кивнул. Страх никуда не делся, усталость по-прежнему ломала кости. Но мы перестали быть просто жертвами, бегущими в никуда. У нас появилась цель.

— Решено, — сказал я, возвращаясь к планированию. — Идём только ночью. Днём нас слишком легко заметить. ГмыХ, на тебе маршрут в обход всех застав. Джестенис, проверь, что осталось из провизии. Силия, экономь ману до последнего. Если наткнёмся на засаду, ты — наш единственный щит.

Силия молча кивнула.

— До заката еще шесть часов, — ГмыХ устроился на камнях, надвинув капюшон. — Спите. Ночью предстоит долгий переход.

Тишина на заброшенной заставе была густой и тяжелой. Элирия спала, привалившись к стене, ее дыхание прерывалось тихим хрипом из-за сломанных ребер. ГмыХ натянул свой старый капюшон до самых глаз и затих, слившись с камнями. Мы с Силией и Джестенисом были единственными, кто бодрствовал в этом холодном полумраке.

Я сидел, прислонившись затылком к скале, и смотрел на свои руки. Без магии они казались бесполезными. Просто пальцы, покрытые грязью и ссадинами.

Справа от меня раздался тихий шорох. Силия осторожно, кончиками пальцев, дотронулась до своей шеи. Там, на бледной коже, отчетливо багровел свежий ожог в форме человеческой ладони. Девушка тихо зашипела сквозь зубы и убрала руку.

Джестенис, сидевший напротив, вздрогнул, как от удара. Он поднял голову и посмотрел на нее. В тусклом свете, проникавшем через пролом в крыше, его лицо казалось изможденным и виноватым.

— Болит? — хрипло спросил он.

Силия посмотрела на него ровным взглядом. — Болит. Сильно.

Джестенис опустил глаза и судорожно сцепил пальцы в замок. — Прости меня, Силия. Я... я правда не знал, как еще вытащить тебя оттуда. Ты просто отключилась. Я звал тебя, тряс, но ты смотрела сквозь меня. У нас не было времени. И я испугался.

Силия слегка подалась вперед. В ее глазах, еще недавно пустых и безжизненных, появилась странная, взрослая ясность.

— Не извиняйся, — тихо, но твердо сказала она. — Тебе не за что извиняться. Если бы ты этого не сделал, я бы навсегда осталась в той темноте. Я помню только, как все внутри меня оцепенело. Мне не было страшно, вообще ничего не было. А потом эта боль... она меня разбудила. Ты вытащил меня. Спасибо тебе.

Джесенис тяжело соглотнул и кивнул, не поднимая глаз. Для него это был тяжелый шаг — причинить боль той, кого он привык защищать. Но он справился.

Силия перевела взгляд на меня. — И тебе спасибо, Димитрий.

Я невесело усмехнулся, не меняя позы. — За что? Я вообще ничего не сделал. Я даже не мог тебя нести.

— За то, что вы меня не бросили, — просто ответила она. В ее голосе не было лишних эмоций, только голые факты. — Вы тащили меня на себе, хотя я была обузой. Вы могли оставить меня в лесу. Это было бы логично. Это повысило бы ваши шансы уйти от Искателей. Но ты этого не сделал.

Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри поднимается та самая черная, едкая волна вины, которую я так старательно заглушал холодным расчетом и планами на будущее. Логика дала трещину.

— Мы — группа «Альфа», Силия, — глухо сказал я. — Мы своих не бросаем. Тем более... нас осталось слишком мало.

Слово повисло в воздухе. Мы все понимали, о ком я говорю.

Я закрыл глаза. Перед внутренним взором мгновенно, с безжалостной четкостью, возникла картина двора Академии. Разрушенные стены, кровь на брусчатке. Запах гари. И Векрис. Наш огромный добродушный Векрис, шириной с платяной шкаф. Парень, который всегда боялся случайно покалечить нас на тренировках своей магией земли.

— Я не заслуживаю вашей благодарности, — тихо сказал я, открывая глаза. Мой голос звучал ровно, но внутри все сжалось. — Из-за меня мы оказались здесь. Из-за меня разрушена Академия. Из-за меня... погиб Векрис.

Джестенис вскинул голову. — Не говори так.

— А что мне говорить? — я жестко посмотрел на него. Мне нужно было выговориться. Мне нужно было, чтобы они поняли, кто я такой. — Я был командиром. Я привык все просчитывать. Но там, во дворе, я просто устал. Я пропустил удар лорда Оруэлла. Я не заметил этот отравленный стилет. А Векрис... он не должен был умереть. У него был тяжелый ростовой щит, он маг земли, он мог просто отгородиться камнем.

Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. — А вместо этого он просто бросился вперед и закрыл меня своим телом. Куском мяса. Он принял отравленный клинок спиной,

мертвой хваткой вцепился в Оруэлла и кричал мне, чтобы я поджигал. Я поджег лорда, но вместе с ним уничтожил и шанс Векриса выжить. Я ошибся, Джестенис. Моя ошибка стоила ему жизни. Если бы я был быстрее, если бы не поддался слабости...

— Хватит! — Джестенис почти выкрикнул это, но вовремя осекся, покосившись на спящих Элирию и ГмыХа. Он подался вперед, и в его глазах запылала настоящая злость. — Да хватит уже, Димитрий. Думаешь, только ты тут умеешь решать? Мы сами выбрали идти за тобой., Димитрий! Ты думаешь, только ты умеешь думать? Ты считаешь нас пешками на своей доске?

Я удивленно посмотрел на мага огня. Парень тяжело дышал.

— Векрис не был тупым куском мяса, — с нажимом, зло прошептал Джестенис. — Он прекрасно знал, что делает. Мы все знали. Когда мы узнали, что за тобой охотятся культы, эльфийские ассасины и Инквизиция, мы сами решили быть рядом. Мы — группа «Альфа». Мы прошли с тобой через Дикий лес. Мы поклялись прикрывать тебя.

— Это не значит, что он должен был умереть из-за моей ошибки, — упрямо ответил я.

— Это был его выбор! — отрезала Силия. Девушка смотрела на меня в упор, и ее ледяной взгляд обжигал. — Векрис сделал то, что считал правильным. Он любил нас. Считал нас своей настоящей семьей. И он защитил тебя, потому что верил в тебя, Димитрий. Не потому, что ты ему приказал. Не потому, что ты просчитался. А потому, что он сам решил отдать свою жизнь за твою.

Она сглотнула, ее голос слегка дрогнул. — Когда мы хоронили его в лесу... когда ты вложил ему в руку свой амулет... мы все понимали, что возврата нет. Векрис спас тебя, чтобы ты жил. Чтобы мы все жили. А ты сидишь здесь и обесцениваешь его жертву, называя ее своей тактической ошибкой.

Я молчал. Слова Силии и Джестениса пробились сквозь мою рациональную броню и ударили в самое больное место.

Я привык нести ответственность за все. Это была моя защитная реакция. Если во всем виноват я, значит, мир можно контролировать, просто я где-то ошибся в расчетах. Признать, что Векрис пожертвовал собой осознанно, по собственной воле, означало признать, что я не контролирую других людей. Что они могут умирать за меня просто из любви и преданности. И этот груз был гораздо тяжелее, чем вина за тактический просчет.

Я посмотрел на Джестениса. На его грязное, повзрослевшее за эти дни лицо. Посмотрел на Силию с красным ожогом на шее. Они не ненавидели меня. Они не обвиняли меня в том, что потеряли всё. Они приняли этот разрушенный мир и свою роль в нем.

Впервые за эти долгие, бесконечные сутки я почувствовал, как тугой ледяной ком в груди, душивший меня с момента уничтожения Печати, немного отступает. Я по-прежнему ощущал себя чужаком, но эти двое сидели рядом со мной на грязном полу пещеры, и они были моими.

— Вы правы, — тихо сказал я, опустив голову. — Простите меня. Я не имел права так о нем говорить. Векрис был лучшим из нас.

Джестенис коротко кивнул и откинулся на камень. Вся злость ушла из него, осталась только смертельная усталость.

— Сейчас бы он над нами посмеялся, — слабо улыбнулся маг огня. — Сказал бы, что мы сидим в темной сырой яме и ноём, вместо того чтобы есть и спать. Помните, как он переживал из-за того, что сломал тренировочный манекен?

— Если под маникеном ты подразумеваешь себя, когда вы только пришли к нам — эхом отозвалась Силия. Уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки. — Он тогда так испугался, что расплакался. Здоровяк, который мог голыми руками перевернуть телегу.

Мы замолчали. Это было хорошее молчание. Оно больше не давило на нас. Мы просто разделили наше общее горе на троих, и нести его стало немного легче.

— Спите, — сказал я через несколько минут. Мой голос звучал спокойно и ровно. — До заката еще есть время. Нам понадобятся все силы, чтобы выйти к побережью и найти этот чертов корабль на Верталерионе.

Силия кивнула, легла на бок, подложив руку под голову, и закрыла глаза. Джестенис последовал ее примеру. Через десять минут их дыхание стало глубоким и ровным.

Я остался сидеть в полумраке, прислушиваясь к завыванию ветра снаружи. Внутри меня по-прежнему была пустота, выжженная Серой магией. Но теперь в этой пустоте появился четкий ориентир.

Я закрыл глаза, позволяя тьме наконец поглотить меня с головой. Нам предстоял долгий путь. И мы пройдем его до конца.

Интерлюдия. Храм Богов

Парализующая тишина, повисшая в Первохраме после осознания предательства, длилась недолго. Когда ты заперт в одной комнате с тем, кто тысячелетиями точил нож за твоей спиной, молчание становится невыносимым.

Первым не выдержал Валториан. Бог войны ударил закованным в железо кулаком по своей каменной плите так, что по залу пошло гулкое эхо.

— Мы будем искать гниль среди нас позже, — прорычал он, обводя Пантеон тяжелым, налитым кровью взглядом. — Прямо сейчас внизу, по Кертании, бегают смертный кусок мяса, который нажал на курок. Из-за него Неопалимый на свободе. Я требую крови мальчишки. Немедленно.

Люстрада резко поднялась со своего места. Серебряная маска Закона на ее лице казалась монолитной, но аура вокруг богини билась в белой, слепящей лихорадке.

— Инквизиция уже получила приказы, — ее голос лязгнул, как гильотина. — Орден поднят по тревоге. Мои Искатели Истины прочесывают леса. Я не просто убью его, Валториан. Я сотру саму память о нем. Я обрушу Столп Истины на тот квадрат, где он прячется, и выжгу его вместе с пеплом!

— Ты не тронешь их, Люстрада, — голос Джерделиса прозвучал сухо, но тяжело, как падающая могильная плита.

Хранитель чести и справедливости сидел, опершись обеими руками на эфес своего темного двуручника. Его лицо, изрезанное старыми шрамами, оставалось пугающе спокойным.

Богиня Закона резко обернулась к нему.

— Ты смеешь защищать еретика? После того, как он выпустил Бездну?!

— Бездну выпустили вы, — жестко парировал Джерделис. Он поднял взгляд, и в нем горела холодная сталь. — Печать была изъедена изнутри. Вы, оба, так ослепли от своей жажды контроля, что забыли, для чего мы вообще ее создали. А мальчишка лишь пытался выжить. Твои Искатели, Люстрада, загнали его в угол. Твои паладины обрушили на него ментальный удар, пытаясь выжечь ему мозги. Вы не оставили ему выбора. Справедливость не бывает слепой. Он защищался.

— Он использовал Истинную Тьму! — визгливо выкрикнула Люстрада, шагнув к нему. — Закон нарушен! А твоя драгоценная служительница?! Элирия! Она носила твой знак, Джерделис! Она была офицером Инквизиции, но предала устав! Она обезглавила старшего Искателя на глазах у всего отряда! Она убила своих братьев, чтобы спасти этого выродка!

— Она поступила по чести, — отрезал бог справедливости, поднимаясь в полный рост. Его потрепанные доспехи угрожающе скрипнули. — Инквизиция превратилась в свору палачей. Когда твои цепные псы приготовились казнить истощенного, загнанного в ловушку юношу, Элирия вспомнила, что такое клятва Справедливости. Закон, который требует убивать невинных ради сохранения порядка — это тирания. Она сделала правильный выбор. И я не позволю тебе наказать ее за это.

Валториан злобно оскалился.

— Честь? Справедливость? Ты бредишь, старик! Мир трещит по швам, а ты защищаешь калек с выжженными каналами и дезертиршу! Они слабы. Оставлять их в живых — значит плодить слабость. Раздави их, Люстрада. Я поддержу твой удар. Если Джерделис встанет на пути — я снесу ему голову!

Пространство вокруг Валториана вспыхнуло жаром кузни, в воздухе запахло раскаленным металлом и кровью. Люстрада вскинула руку, формируя из эфира копьё ослепительного белого пламени.

— Это не просто слабость, — неожиданно ровно и громко произнес Селарион.

Покровитель магии не пошевелился. Он сидел, переплетая длинными пальцами призрачные нити эфира.

— Вы хотите уничтожить его, потому что боитесь. Боитесь того, чего не понимаете.

— Чего тут не понимать?! — рыкнул Валториан. — Он еретик!

— Он — аномалия, — холодно поправил Селарион. Его глаза, глубокие как звездное небо, впились в Люстраду. — Смертный разум, пропустивший через себя Истинную Тьму и Свет одновременно. По всем законам мироздания этого не могло произойти. Но он выжил. Его каналы мертвы, но его воля цела. Этот Димитрий мыслит иначе. Он действует вне нашей логики. Стереть его сейчас — значит уничтожить единственное оружие, которое Бездна не способна просчитать.

— Оружие? — Люстрада презрительно скривила губы. — Он даже искру не зажжет! Он пуст!

— Значит, он наполнится чем-то другим, — отрезал Селарион. — Я против казни. Мальчишка должен жить. Мы обязаны наблюдать за ним.

— Вы сошли с ума! — свет Люстрады ударил по стенам Храма. — Вы защищаете хаос! Я не потерплю ереси на своей земле! Я вынесу приговор прямо сейчас!

Она занесла сияющее копьё над головой, готовая метнуть его сквозь пространство. Валториан шагнул вперед, прикрывая ее фланг тяжелым щитом.

В этот момент Элинария, богиня жизни, сидевшая на усыхающем троне из лозы, медленно подняла глаза. Она не проронила ни слова за весь спор. Ее взгляд скользнул по Люстраде, затем по Джерделису. В ее зеленых глазах плескалась холодная, древняя насмешка. Она чувствовала, как на востоке, среди мертвых лесов, упрямо переставляют ноги пять человек. Элинария знала, что они идут к морю. И знала, что за океаном, на Верталерионе, гниют камни ее забытого храма. Но она промолчала. Пусть ссорятся. Жизнь сама пробьет себе дорогу.

Ауриэль, владыка света, так же остался стоять в стороне. Его золотая аура потускнела. Он смотрел на трещину в Печати и думал о том, кто из этих кричащих богов годами разрушал их мир. Участвовать в их бойне было бессмысленно.

Джерделис отреагировал на замахах Люстрады с пугающей скоростью.

С оглушительным скрежетом он выхватил свой двуручник. Клинок, матовый и абсолютно черный, поглотил свет Люстрады. Бог справедливости ударил не в богиню, а в пространство между ними, с силой разрубая эфирный канал, который она пыталась открыть для удара по Кертании.

Первохрам страшно содрогнулся. Ударная волна отшвырнула Валториана на шаг назад. По золотому полу с сухим треском поползли глубокие разломы.

— Я сказал — нет! — прорычал Джерделис. Он навис над расколом в камне, его глаза горели тяжелым, стальным пламенем. — Элирия под моей защитой. Мальчишка под моей защитой. Инквизиция сама загнала их в эту ловушку, и они вырвались из нее с боем. По праву выживших. Если ты хочешь убить их сейчас, Люстрада, тебе придется сначала пробить меня.

Он повернул меч, направляя острие в грудь богини Закона.

— А если мы сцепимся здесь, этот Храм рухнет нам на головы. И Неопалимому даже не придется подниматься сюда — мы сами сделаем за него всю работу.

Люстрада тяжело, прерывисто дышала. Свет вокруг нее яростно пульсировал, выдавая крайнюю степень напряжения. Она посмотрела на непреклонного Джерделиса, затем перевела взгляд на Селариона, который уже плел боевые контуры на пальцах, готовый поддержать бога справедливости.

Она поняла, что они не отступят. Ради дезертирши и искалеченного эльфа Джерделис был реально готов начать войну в Первохраме.

Стиснув зубы до хруста, Люстрада резко опустила руку. Сияющее копьё с громким хлопком растворилось в воздухе, оставив после себя лишь вонь озона.

— Ты берешь на себя кровь этого мира, Джерделис, — прошипела она, глядя ему прямо в глаза. — Ты даешь им время, но они не выживут. Без магии, без золота, в кольце облавы. Мои Искатели найдут их. И когда они сдохнут в грязи, я напомню тебе об этом дне.

— Пусть мир испытает их, — холодно ответил Джерделис, дюйм за дюймом убирая меч в ножны, но не спуская с нее глаз. — Они уже выжили там, где твой хваленый Закон оказался простым палачом.

Люстрада резко развернулась.

— Инквизиция получит приказ убивать при контакте, — бросила она через плечо. — Пошады не будет.

Она растворилась в ослепительной вспышке белого света. Валториан злобно сплюнул на расколотый пол, смерил Джерделиса тяжелым взглядом и исчез во всполохах пламени.

Селарион молча кивнул богу справедливости и растаял в воздухе, возвращаясь в свои чертоги. Элинария и Ауриэль ушли последними, так и не сказав ни слова. Пантеон окончательно раскололся. Холодная война на небесах началась.

Джерделис остался один в пустом, гудящем от напряжения зале.

Хранитель чести тяжело опустился на каменную плиту.

Сквозь слои реальности он видел серый пепел, засыпающий мертвые леса Кертании. Видел пять фигур, упрямо бредущих сквозь холод к далекому морю.

Его взгляд остановился на Элирии. На женщине, которая потеряла всё ради собственного выбора. На служительнице, которая впервые за долгие годы поступила не по уставу, а по совести.

Джерделис долго смотрел на нее, словно взвешивая на невидимых весах.

Затем медленно сомкнул ладонь на эфесе меча. Путь уже начался. Теперь его оставалось лишь слегка направить. Черный клинок едва слышно загудел, отвечая хозяину.

И в то же мгновение, далеко внизу, среди мертвого леса, Элирия вздрогнула во сне, услышав знакомый голос.

Интерлюдия. Элирия

Сон Элирии был прерывистым, тяжелым и липким. Ей казалось, что она все еще бежит через мертвый лес. Сухие ветки хлестали ее по лицу, а за спиной тяжело дышали гончие Инквизиции. При каждом вдохе сломанные ребра отзывались острой режущей болью, которая пробивалась даже сквозь забытие.

А потом холод и страх внезапно исчезли.

Пепел перестал сыпаться за воротник. Исчез запах гари и сырой земли. Элирия открыла глаза и поняла, что стоит на ровном каменном плато. Над головой раскинулось высокое, пронзительно чистое небо — такого цвета она не видела с самого детства. Ни дыма, ни Скверны. Только нагретый солнцем камень и абсолютная тишина.

В нескольких шагах от нее спиной к ней стоял мужчина.

Он был высоким, широкоплечим. На нем были простые, изрядно потрепанные в боях доспехи. Сталь не сияла божественным светом — она была покрыта царапинами, глубокими вмятинами и пятнами старой ржавчины. Мужчина смотрел куда-то вдаль, тяжело опираясь обеими руками на рукоять черного двуручного меча, воткнутого прямо в камень.

Элирия замерла. Сердце в груди забилось часто и болезненно. Она узнала этот силуэт. Она видела его на алтарях, на гравировке на своем нагруднике. Она молилась ему каждое утро перед выходом на дозор.

— Мой господин... — выдохнула она, и ее голос дрогнул.

Джерделис медленно обернулся. У него было простое лицо бывшего солдата — суровое, обветренное, с глубоким шрамом, пересекающим щеку. В его глазах не было ни ослепительного сияния, ни пугающего величия. Только спокойная, бесконечная усталость человека, который слишком долго несет на себе бремя чужих войн.

Элирия попыталась опуститься на колени, но резкая боль в боку заставила ее вскрикнуть и пошатнуться.

— Не надо, — негромко сказал Джерделис.

Его голос был низким и ровным, без раскатов грома. В нем звучала странная, почти отеческая теплота.

— Здесь тебе не нужно кланяться, — он шагнул к ней и протянул руку, уверенно поддерживая ее под локоть. Его прикосновение было твердым и реальным. — Здесь ты просто Элирия.

— Прости меня... — прошептала она, не смея поднять на него глаза. Слезы, которые она так долго сдерживала в лесу, подступили к горлу. — Господин, я нарушила Устав. Я предала Закон. Я убила своих братьев... Искателей. Людей, с которыми делила хлеб. Инквизиция назвала меня еретичкой. Я заслуживаю костра.

Джерделис молчал несколько секунд. Затем осторожно, но решительно приподнял ее подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза.

— За что именно ты просишь прощения? — спокойно спросил он.

— За всё, — всхлипнула она. — За то, что не подчинилась приказу паладинов. За то, что обнажила клинок против своих. Люстрада никогда мне этого не простит.

— Люстрада хранит Закон, Элирия, — Джерделис едва заметно покачал головой. — Но Закон — это просто чернила на бумаге. А я храню Честь и Справедливость. Ответь мне честно: когда ты стояла на той стене в Академии... когда ты видела, как паладины ментально бьют по изможденному, загнанному в ловушку парню... что ты чувствовала?

Элирия вспомнила тот момент. Вспомнила, как на нее нахлынул гнев. Холодную, кристально ясную уверенность в том, что прямо у нее на глазах совершается подлость.

— Я чувствовала, что это несправедливо, — ответила она тише, но уже тверже. — Он защищался. Он просто пытался выжить. А они хотели растерзать его, потому что так было приказано.

— Значит, ты поступила по чести, — Джерделис слегка сжал ее плечо. — Ты выбрала Справедливость, а не слепой, бездушный Закон. Твои братья перестали быть братьями в тот миг, когда превратились в палачей. Ты не предала меня, Элирия. Напротив. В ту ночь ты была единственной во всей Академии, кто остался верен моей сути. Ты все сделала правильно.

Элирия шумно выдохнула. Огромный, давящий камень, который лежал у нее на душе последние сутки и мешал дышать, начал крошиться. Она смотрела на своего бога и видела в его глазах одобрение, а не приговор.

— Но что теперь? — спросила она, вытирая лицо тыльной стороной ладони. — Мы одни. За нами охотятся. Дмитрий сломлен. Он утратил магию.

Джерделис помрачнел. Он отпустил ее плечо и вернулся к своему мечу.

— Неуязвимый на свободе, Элирия. Изгнанный бог вернулся. Его зов уже разносится по всей Кертании, и многие откликнутся. Спящие просыпаются. Этих людей из других миров много, и Бездна легко найдет к ним подход. Скоро мир захлестнет волна крови. И Люстрада со своим Законом не сможет это остановить. Она будет сжигать всех подряд, правых и виноватых, пока не останется только пепел.

Он обернулся к ней, и в его взгляде появилось что-то жесткое, стальное.

— Дмитрий — наша единственная надежда не сгореть в этом огне. Дело не в том, что он пришел из другого мира. Дело в том, что он сделал. Соединить Истинный Свет и Истинную Тьму воедино... Это абсолютная аномалия. Неопалимый знает, как ломать умы и подчинять себе чужую силу, но он не может просчитать то, что создал Дмитрий. Это оружие, которое не понимает Бездна.

— Но он пуст, господин, — напомнила Элирия. — Выжжен дотла.

— Тело можно исцелить. Разрушенные каналы можно восстановить, — отрезал Джерделис. — Главное, чтобы его воля осталась цела. Элирия, слушай меня внимательно. Если он погибнет, всему конец. Если он сдастся, Неопалимый поглотит этот мир.

Элирия выпрямилась. Фантомная боль отступила на задний план.

— Что я должна делать?

— Защити его, — просто сказал бог чести. — Стань его щитом. Будь рядом, когда он будет падать. Береги его не потому, что так велит параграф Устава, а потому, что его жизнь сейчас — стержень, на котором держится весь наш мир. Он будет ошибаться, злиться и сомневаться, но ты должна верить в него.

Джерделис протянул руку и коснулся ее помятого нагрудника, прямо там, где была выгравирована руна справедливости. Под его жесткими мозолистыми пальцами металл ощутимо потеплел.

— Идите на восток. К океану. Уходите с Кертании. На Верталерионе есть места и старые алтари, где он сможет прийти в себя. Ваш гоблин знает тайные тропы, он хитрее и старше, чем хочет казаться. Доверьтесь ему. И не пытайтесь договориться с Инквизицией, Элирия. Они будут искать вас не для честного суда, а для быстрой расправы.

— Я поняла, — твердо ответила она. Страх исчез. Появилась ясная, четкая цель. Та самая, ради которой она тренировалась всю жизнь, но теперь она обрела настоящий смысл.

— И еще кое-что, — Джерделис посмотрел ей прямо в глаза, и на его губах мелькнула слабая ободряющая улыбка. — Ты больше не винтик в машине Ордена. Ты свободный человек. Твой выбор — это твоя сила. И помни... я всегда на твоей стороне. Даже когда молчу.

Фигура бога и залитое солнцем плато начали стремительно таять, растворяясь в белом свете.

— Мы дойдем! — крикнула она ему вслед.

Голос Джерделиса донесся уже издалека, тихий и спокойный, как шум вечернего ветра:
— Иди по совести, Элирия. Я буду ждать.

Элирия резко открыла глаза и судорожно втянула в себя холодный воздух. В легких привычно кольнуло, сломанные ребра тут же отозвались тупой ноющей болью.

Она снова оказалась в реальности. В пещере царил ледяной мрак. Снаружи глухо завывал ветер, швыряя мелкий пепел на камни у входа. В углу тихо и размеренно похрапывал Гмых, натянув на голову свой бесформенный капюшон.

Димитрий сидел у противоположной стены, прислонившись затылком к скале. Он не спал. Его глаза были открыты, он смотрел куда-то в темноту, и в его напряженной позе было столько тяжелой, безысходной усталости, что у Элирии защемило сердце.

Она медленно села. Ее рука сама собой легла на нагрудник. Там, где Джерделис коснулся ее во сне, холодный металл все еще хранил слабое, едва уловимое тепло.

Это не было игрой уставшего разума. Это был приказ. Но не тот приказ, который выкрикивают на плацу, а тот, который доверяют надежному соратнику перед последним боем.

Элирия посмотрела на Димитрия. На его грязное, осунувшееся лицо. Он казался таким чужим и потерянным в этом мертвом лесу, но теперь она знала, чего он стоит.

Она больше не чувствовала себя дезертиром. Она была щитом. У нее снова появилась цель, ради которой стоило рвать жилы и идти сквозь ад.

Элирия осторожно, стараясь не шуметь, подползла по холодным камням ближе к Димитрию. Она молча сняла с себя теплый плащ инквизитора и накинула его на вздрагивающие от холода плечи юноши.

Димитрий вздрогнул. Его взгляд сфокусировался на ней, в глазах мелькнуло удивление.

— Ты чего? — хрипло, едва слышно спросил он.

— Спи, Димитрий, — она слабо улыбнулась ему, глядя прямо в глаза. — Нам предстоит долгий путь до побережья. Тебе нужны силы.

Он хотел что-то возразить, привычно полагаясь только на себя, но промолчал.

— Я прикрою, — добавила она с такой спокойной и непоколебимой уверенностью, что юноша сдался.

Его голова медленно опустилась ей на плечо. Глаза закрылись, и через несколько минут его дыхание стало ровным и глубоким.

Элирия осталась сидеть в темноте, обхватив колени руками и глядя на провал выхода из пещеры. Снаружи их ждали Инквизиция, монстры Бездны, холод и голод. Но она вновь обрела ту уверенность, которая помогала ей выживать в этом мире с того самого дня, как она возродилась в этом мире. Она обрела новую веру, новую цель, и на этот раз она сама сделала этот выбор.

Глава 5

Я открыл глаза от того, что меня крупно, безостановочно трясло. Сон всегда давал короткую иллюзию нормальности. Пока спишь, кажется, что ты всё еще цел. А потом наступает пробуждение.

Мозг по инерции послал привычный сигнал внутрь. Я рефлекторно ждал отклика. Ждал, как по венам хлынет горячая, послушная сила. Как она вымоет из мышц ледяную усталость, согреет кровь и вернет мыслям привычную бритвенную ясность.

Вместо этого импульс с размаху врезался в глухую стену.

По выжженным каналам прокатилась короткая, злая вспышка боли. Словно по открытой ране с силой провели ржавым гвоздем. Я судорожно втянул морозный воздух сквозь стиснутые зубы и замер, пережидая спазм в груди.

Никакой магии больше нет. Внутри остался только мертвый, спекшийся шлак. Я больше не был магом. Просто кусок истощенного тела, который теперь нужно заставлять двигаться чистым, голым усилием воли.

Я попытался повернуться на бок и вдруг понял, что давящая на плечи тяжесть — это не только усталость. Я был плотно укутан в толстую шерстяную ткань. Инквизиторский плащ. Он густо пах дорожной пылью, старым потом и нечищеным железом. Ткань была подоткнута под мои бока так тщательно, чтобы не оставить сквознякам ни единой щели.

Я скосил глаза.

Элирия сидела рядом, прямо на промерзших камнях заброшенной заставы. На ней остался только грязный форменный мундир да поцарапанный нагрудник. Из-за сломанных ребер она дышала неглубоко, короткими рывками, но в ее позе не было ни капли дрожи. Она обхватила колени руками и неотрывно смотрела в серую пелену тумана у входа.

Я сразу заметил перемену.

После того как всё рухнуло, ее ломало изнутри. Весь ее фундамент, построенный на слепой вере в правила Ордена, сторел дотла. Ей казалось, что она предала всё, ради чего жила.

А сейчас этого надлома не было. Перед моими глазами сидел человек, который за ночь умудрился заново собрать себя из битого стекла. Во взгляде, в повороте головы, в напряженных плечах появилась тяжелая, глухая монолитность.

Я с трудом высвободил ледяные пальцы и сбросил край плаща.

— Забери, — голос прозвучал сипло, горло словно забили песком. — Свалишься с лихорадкой — тащить тебя будет некому. Ребра надо в тепле держать.

Элирия медленно повернула голову. В ее глазах не было ни упрямства, ни жалости. Только холодная, трезвая ясность.

— Оставь, Димитрий. Твое тело без магии сейчас вообще не держит тепло. А я привыкла к сырости. Орден годами гонял нас по зимним границам. Выживу. Тебе ресурсы нужнее.

Я оперся локтями о неровный пол и со злостью сел.

Бесило. Как же меня бесила эта внезапная, унижительная физическая немощь. Раньше я мог не спать трое суток, держать в уме сложные расчеты боя и даже не сбивать дыхание. А теперь меня шатало просто от того, что я принял вертикальное положение. Мой главный инструмент — мой разум — буксовал в обесточенном теле.

— Что с тобой произошло? — сухо спросил я, открывая глаза и разглядывая ее профиль. — Раньше ты выглядела так, будто сама ищешь веревку или костер. А сегодня сидишь тут с таким видом, словно всё для себя решила.

Элирия несколько секунд молчала. Она перевела взгляд на свои ладони — грязные, с запекшейся под ногтями землей.

— Я поняла одну простую вещь, — ее голос звучал ровно. — Их Закон — это не порядок. Это просто дубина в руках фанатиков. Когда паладины ударили по тебе... когда они пытались выжечь тебе мозги только за то, что ты не сдох по их правилам... я поняла, что в этом нет ни капли справедливости. Они просто устраняли помеху.

Она сделала короткий, осторожный вдох и снова посмотрела на меня.

— Мой устав сгорел, Димитрий. Я останусь с вами. Мы дойдем до Верталериона.

— Мне не нужны философские откровения, — жестко оборвал я. У меня не было сил на чужие душевные терзания. — Нам нужно просто выжить.

— Знаю, — кивнула она. — Но я должна сказать. Я хочу попросить прощения. За то, что была слепой идиоткой. За то, что верила бумагам больше, чем своим глазам.

Она сжала кулаки так, что побелели костяшки.

— Знаю, — кивнула она. — Но я должна сказать. Я хочу попросить прощения. За то, что произошло в сторожке. За то, что приставила кинжал к твоему горлу и обвинила в разрушении мира.

Она сжала кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— И я хочу сказать тебе спасибо. За то, что ты сделал в коллекторах Академии. Если бы ты не уничтожил Метиаса с помощью Серой магии, мы бы оттуда не выбрались. Ты выжиг свои каналы, чтобы мы остались живы. Пусть и такой ценой...

Внутри меня мгновенно вспыхнуло тяжелое, удушающее раздражение. Мне не нужны были ни чужая вина, ни чужая благодарность.

— Оставь свои извинения при себе, — процедил я сквозь зубы, отворачиваясь. — Твоя благодарность не вернет мне силу. И не сотрет красные метки поисковых отрядов с карт Инквизиции. Прошлое осталось в прошлом. Сейчас меня волнует только то, как вытащить Силию и Джестениса из этого леса живыми. Моя единственная цель — чтобы мы не сдохли в ближайшие сутки. Мне плевать на старые обиды.

Элирия не обиделась. Не попыталась оправдаться.

Она просто молча дотянулась левой рукой до своего поцарапанного нагрудника. Пальцы нащупали металлическую бляху — выгравированный знак Инквизиции.

С коротким, сухим хрустом она рванула металл на себя. Старые заклепки с треском вылетели из кожаных ремней. Элирия посмотрела на изуродованный символ в своей руке, а затем с силой швырнула его на камни. Металл звякнул и отлетел в темноту.

— Ордена больше нет, — абсолютно ровным, будничным тоном произнесла она, глядя мне прямо в глаза. — Я больше не командующая инквизиции. Меня зовут Элирия Вальдрес. И я иду с тобой, Димитрий. Мой меч — твоя защита.

Я молча смотрел на нее. Мой расчетливый мозг, который еще секунду назад вяз в эмоциях и слабости, просто зафиксировал факт. Холодный, неоспоримый факт.

Эта женщина перечеркнула всё. Вырвала с корнем свое прошлое, статус, безопасность. И осознанно встала рядом со мной. С искалеченным, обессточенным человеком, у которого не осталось ничего, кроме плывущих мыслей и грязного ножа на поясе.

Она не просила прощения ради успокоения совести. Она просто обозначала свое новое место.

Я сделал глубокий вдох. Ледяной, влажный воздух обжег легкие, но голова наконец-то немного прояснилась. Тошнота отступила. Злость на собственную слабость переплавилась в холодную, рабочую концентрацию.

— Хорошо, Элирия Вальдрес, — коротко ответил я.

Элирия молча отошла к противоположной стене. Она стояла ко мне боком, аккуратно, стараясь не делать резких движений, поправляла ремни на португее. Ее лицо снова стало непроницаемым. Никаких следов недавней минутной слабости. Попросила прощения, сорвала знак, зафиксировала новый статус — и вернулась в рабочее состояние.

Из угла заставки донеслось тяжелое кряхтение. ГмыХ окончательно вылез из своей кучи прелых листьев, шумно отряхивая штаны от трухи.

— Ну что, сопли утерли, теперь пора и за ум браться, — проворчал гoblin. Он бесцеремонно подошел к лежащему Джестенису и ткнул его носком сапога в бок. — Подъем, огненный мешок. Хватит дрыхнуть. Время поджигает.

Парень подорвался, дико озираясь, на ходу хватаясь за голову после удара о каменный свод.

— Что? Уже выдвигаемся?

— Сначала посчитаем, куда выдвигаться, чтобы вас по дороге не прикопали, — сухо бросил гoblin. Он подошел к плоскому валуну в центре пещеры и с глухим стуком опустил на него старый кожаный тубус. — Иди сюда. И девчонку зови.

Силия подошла сама. Без лишних слов, бесшумно. Она села у края валуна, положив ладони на колени. Джестенис, все еще подрагивая от холода, пристроился рядом, кутаясь в куртку.

ГмыХ вытащил из тубуса карту — трофейную схему Инквизиции. Кожа плотная, исчерченная десятками мелких значков и свежих красных линий. Гoblin раскатал её на камне, прижав края обломками гранита. Бумага влажно хрустнула.

— Иди сюда, Дмитрий, — позвала Элирия. Она уже наклонилась над схемой, внимательно изучая пометки. — Нужно смотреть маршруты.

Я поднялся, заставляя мышцы работать. Колено снова предупреждающе заныло, в висках вяло застучала кровь. Я подошел к валуну, оперся на него ладонями и уставился на карту.

Нужно было сосредоточиться. Собрать рассыпающиеся куски мыслей.

Красные маркеры. Векторы патрулей. Раньше я бы выделил зоны покрытия за секунды, прикинул тайминги, вычислил слепые пятна. Но сейчас цифры начали плыть. Линии дорог переплетались в бессмысленный серый узел.

Так... если их авангард вышел на рассвете... скорость движения пешего отряда по грязи... сколько лиг они проходят за половину энда?

Мысль оборвалась. В голове будто провернулась пустая шестеренка. Я замер, тупо глядя на бумагу, чувствуя, как внутри медленно закипает глухая, бессильная ярость на собственную тупость.

Думай. 140 километров до побережья. Делим на нашу скорость. Вычитаем время на привалы...

— Ты смотришь на тракты, Дмитрий, — раздался над ухом ровный, сухой голос Элирии.

Она встала рядом, почти коснувшись моего плеча своим нагрудником. Ее палец, с темной каймой грязи под ногтем, уперся в красную жирную черту, перекрывающую главную дорогу.

— Орден не будет бегать за нами по кустам всей армией, — спокойно произнесла она, забирая инициативу. — Командование действует по шаблону. Они пустят загонщиков по сетке.

Джестенис наклонился ближе, его зубы всё еще мелко стучали от сырости.

— Как это — по сетке?

— Ищейки идут тройками, — Элирия провела ногтем три параллельные линии от тракта к лесной просеке. — Впереди две гончие на длинных поводках, со спины их прикрывают палadini в тяжелом железе. Дистанция между группами — не больше половины мили. Они не ищут нас визуально. Они идут по следу остаточной магии.

— У меня источник пуст, — процедил я, с трудом возвращая контроль над собственным голосом. — А у вас резерв на дне. Много они нанюхают?

— Для гончих Люстрады это не важно, — Элирия повернулась и посмотрела мне прямо в глаза. Абсолютно профессионально, как инструктор. — Они чувствуют даже запах выгоревших каналов. Для них твоё тело сейчас воняет как свежее пепелище. Да и у нас троих мана почти

на нуле, но фонить мы меньше не стали. Если мы сунемся к дорогам или мостам — нас примут в течение половины энда. Кольцо уже сжимается.

Я промолчал. Злость на собственное бессилие понемногу уступала место холодному расчету. Я не мог оперировать цифрами сам, мозг буксовал без подпитки, но я мог слушать того, кто знает врага изнутри. Мне пришлось заткнуть свою гордость. Сейчас от нее не было никакой пользы.

— Какой обход? — тихо спросила Силия, не сводя глаз с красных маркеров.

— Змеиный дол, — Элирия сместила палец восточнее, на широкое, ничем не маркированное серое пятно между холмами. — Единственное место, куда патрули не сунутся.

— Почему? — Джестенис нервно сглотнул. — Если они прочесывают всё подряд...

— Потому что это аномальная зона со времен Битвы Неопалимого с Богами, — жестко отрезала она. — Там до сих пор земля пропитана искажениями. Вес инквизиторского доспеха со всеми защитными контурами — под 60 килограммов. В долу почва — сплошная известь и гнилая жижа, тяжелая пехота там просто увязнет. Плюс их магическая броня будет там больше обузой чем преимуществом. Командиры не станут посылать людей в такое гиблое место. Они решат, что мы туда не пойдем, а если и пойдем — сдохнем сами. Правда они могут оставить дозор на выходе, но у нас есть шанс опередить их.

— И они почти правы, — подал голос ГмыХ.

Гоблин сидел на краю валуна, болтая короткими ногами, и хмуро разглядывал серое пятно на карте.

— Место дрянное. Топь, ядовитый туман и твари, которых перекорежило от тех старых выплесков силы. Но девка дело говорит: Инквизиция туда не сунется. Пройти можно, если под ноги смотреть и клювом не щелкать.

Джестенис побледнел еще сильнее, переводя взгляд с карты на гоблина.

— То есть мы пойдем через логово мутантов вообще без защиты?

— У тебя есть ноги, парень, — язвительно заметил ГмыХ. — И голова, чтобы вовремя её пригнуть, когда сверху что-то полетит.

— А магия? — Силия посмотрела на Элирию. — Мой лед там сработает?

— Сработает, но плетение будет нестабильным, — покачала головой бывшая инквизитор. — Из-за аномальных зон эфир там до сих пор идет волнами. Лед может выйти слишком хрупким или, наоборот, заберет у тебя остатки резерва за одну секунду. Так что забудьте про дальние заклинания. Только ближний бой.

В пещере повисла тяжелая, густая тишина. Было слышно только, как снаружи завывает ветер, гоняя пепел по камням. Джестенис уткнулся лбом в кулаки, прерывисто дышая. Его мелко трясло от осознания того, куда именно нам придется лезть.

— Это просто другой способ сдохнуть... — прошептал он.

— Сдохнуть мы всегда успеем, — оборвал я его. Голос прозвучал резко, обрывая все тихие всхлипы.

Мой разум наконец-то зацепился за предложенную структуру. Я не мог считать логистику сам, но утверждать решения — это была моя работа. Лидер не тот, кто знает всё, а тот, кто берет на себя ответственность за чужой план, если он единственный верный.

— 140 километров в грязи, — я заставил себя посмотреть на масштаб карты, прикидывая наши общие физические ресурсы. — Значит, два энда пути. Ночевать придется прямо в жиже, на островках суши. Костры под запретом. Еда только сухая, из припасов.

Я поднялся, оттолкнувшись от валуна. Тело снова отозвалось тяжелой, тянущей болью, но в голове наконец-то появилась рабочая концентрация. Злость на собственную немоту переплавилась в холодный расчет.

Я посмотрел на нашу группу. Изможденный, дерганый Джестенис. Тихая, бледная Силия. Старый, ворчливый гоблин. Элирия со сломанными ребрами, которая только что выстроила

нам тактику выживания. И я — пустой, обесточенный калека с плывущими мыслями. Отвратительный расклад. Шансов почти не было. Но это был единственный путь к побережью.

— Идем через Змеиный дол.

Гоблин спрыгнул с камня и с громким хлопком свернул карту, убирая её обратно в тубус.

— Тогда закругляйте свои утренние посиделки. До границы дола нам идти половину энда через подлесок. Надо успеть, пока туман держится.

Я поправил ножны кинжала на поясе. Оружие ближнего боя — всё, что у меня осталось. Мы закончили планирование. На бумаге всё выглядело просто и жестко. Теперь оставалось самое сложное — заставить это изможденное мясо сделать первый шаг наружу.

Я закинул мешок на плечо. Жесткий ремень больно врезался в ключицу. Без магии даже пара лишних килограммов тянула к земле.

Джестенис возился у стены, не попадая дрожащими пальцами в пряжку. Силия молча оттолкнула его руки, сама затянула узел и толкнула парня к выходу. В его глазах вместо паники осталась только тупая усталость. Это к лучшему. Усталость не оставляет сил на истерику.

Гмых стоял у пролома, раздвигая сухие ветки.

— Чисто, — проскрипел гоблин. — Туман плотный. Идем тихо. Кто звякнет железом — останется тут приманкой для гончих.

Он выскользнул наружу. За ним, придерживая снаряжение, полез Джестенис. Силия ушла следом.

Я шагнул к выходу. Правое колено неприятно хрустнуло и заныло от сырости.

— Димитрий, — негромко позвала Элирия.

Она стояла чуть позади. Помятый нагрудник без инквизиторского знака казался пустым.

— Иди, — я кивнул на лаз. — Я замкну.

— Нет, — она покачала головой. — Ты идешь за магами. Я прикрываю тыл. Двигайся.

Спорить не было сил. Я молча полез в щель.

Снаружи сразу ударило сырым холодом. Туман пах мокрой известью и гнилью. Под сапогами противно захлюпала липкая каша из пепла и грязи.

ГмыХ семенил впереди, низко пригибаясь к земле. Джестенис и Силия шли след в след за ним. Я пристроился за магами. Сразу за моей спиной послышался глухой шаг Элирии. Железо ее доспеха было обмотано тряпками, поэтому она двигалась почти бесшумно.

Каждый шаг давался с трудом. Ноги вязли, легкие обжигало ледяным воздухом. Мышцы быстро забивались без магической подпитки. Мозг механически фиксировал маркеры пути: поваленный ствол, кривой валун, овраг. Но удерживать концентрацию приходилось силой.

Я обернулся. Старая застава уже растворилась в тумане, словно ее и не было.

Впереди были сорок миль аномалий, грязи и тварей. Но у нас наконец-то появилась чёткая цель.

Глава 6

Холод перестал быть просто скверной погодой. Он мутировал в осязаемого, неповоротливого хищника, который методично перемалывал наши кости час за часом. Каждые полсотни метров давались с боем. Новое, лишенное магии тело выдыхалось быстро. Ноги вязли в липкой пепельной каше. Легкие при каждом глубоком вдохе обжигало сырым, промерзшим воздухом. В правом колене поселилась тупая, непрекращающаяся боль.

Разум по привычке пытался разбить оставшийся маршрут на сектора, посчитать тайминги и среднюю скорость отряда. Сто сорок километров общего пути до побережья. Если мы держим темп хотя бы в три километра в час... Нет, меньше. По такой грязи — дай бог полтора. Значит, до берега...

Цифры внезапно дернулись, смазались и рассыпались. В голове осталась лишь звенящая пустота. Я моргнул, до боли сжав челюсти. Злость на собственную тупеющую голову горячей волной ударила в виски. Твою мать. Мозг без подпитки силы буксовал. Раньше эфирные потоки позволяли удерживать в уме десятки векторов, формул и вычислений одновременно. Теперь эта часть личности была ампутирована. Я забывал конечный результат простейших уравнений прямо в процессе счета. Приходилось силой заставлять себя удерживать концентрацию, цепляясь взглядом за грязные спины впереди.

— Парень, сопи потише, — не оборачиваясь, проворчал ГмыХ.

Гоблин семенил первым, низко пригибаясь к земле. В плотном сером тумане его серая куртка почти растворялась.

— Иду, — коротко бросил я, экономя дыхание.

Слева тяжело дышал Джестенис. Маг огня выглядел отвратительно: кожа приобрела землистый оттенок, под глазами залегли глубокие тени. Он то и дело заваливался вбок, хватаясь руками за скользкие, покрытые мокрым пеплом ветки кустов. Силия шла чуть впереди него. Тихая, бледная, с абсолютно сухим и замкнутым лицом. Переставляла ноги методично, без жалоб. Цепко сканировала подлесок.

Сзади раздался мягкий, едва слышный шаг Элирии. Железо ее нагрудника было наглухо обмотано грязным тряпьем, португеза затянута до предела — бывшая карательница двигалась как тень. Три шага дистанции. Никаких лишних слов, никаких расспросов. Только глухой, ровный шаг позади. Она караулила наш тыл, и я кожей чувствовал это присутствие.

Лес вокруг начал меняться. Черные, обгоревшие стволы сосен постепенно редели, уступая место уродливым, перекрученным деревьям с пузырящейся, мертвой корой. Земля под сапогами тоже стала другой. Черный пепел здесь смешался с блеклой, грязновато-белой известью. Воздух сделался тяжелым. Появился тошнотворный привкус тухлой воды и застарелой меди.

— Приближаемся, — тихо произнесла Элирия, на секунду поравнявшись со мной. — Это кромка Змеиного дола. Земля со времен той битвы, после которой даже жрецы Ордена перестали произносить имя Неопалимого вслух. Скоро начнется спуск.

Я кивнул, вглядываясь в серую пелену.

Туман висел сплошной стеной, скрывая всё дальше пяти метров. Под ногами известь хлюпала и пузырилась, превращаясь в глубокие лужи. ГмыХ остановился, подняв короткую руку с зажатой в ней ржавой железной трубой. Мы замерли мгновенно, вжавшись в кривые стволы.

— Граница, — еле слышно проскрипел гоблин, обернувшись. — Дальше тропа идет вниз, через узкий овраг. На дне — жижа. Идти только за мной, наступать строго на камни. Промакнетесь — засосет по самые подмышки.

Мы начали спуск. Овраг оказался узким, зажатым между двумя крутыми меловыми обрывами. Белесые стены уходили вверх, теряясь в тумане. Пространство сузилось настолько, что идти пришлось строго в цепочку. Я чувствовал себя отвратительно. Мы входили в идеальный огневой мешок. Справа и слева — высоты, впереди — узкое горлышко, сзади — крутой подъем. Если нас прижмут здесь, деваться будет некуда.

Попытался прикинуть радиус возможного обстрела сверху, но мысли снова расплзлись. Голова отозвалась тупой, пульсирующей болью. Я зло сплюнул под ноги тягучую слюну с привкусом известковой пыли.

— Элирия, — не оборачиваясь, тихо позвал я. — Что на высотах?

— Туман скрывает гребень, — ответила она из-за моей спины. — Но позиция дрянь. Если у прецептора хватило ума выставить дозоры на кромке, нас ведут от самого леса.

— ГмыХ, быстрее, — процедил я в спину гоблина.

— Не гони коней, инженер, — огрызнулся старик, пробуя шестом белесую жижу перед собой. — Здесь поспешишь — костей не соберут.

Мы прошли еще метров пятьдесят. Воздух в овраге стал совсем неподвижным, душным. Известковая каша под ногами сменилась скользкими валунами. Джестенис в очередной раз оступился, его сапог со свистом сорвался с камня, и парень тяжело рухнул на колено, глухо выплюнув ругательство.

— Тихо ты! — шикнул на него ГмыХ.

И в этот момент тишину оврага разорвал резкий, сухой звук. Лязг взведенного механизма.

Мой замедленный, обесточенный организм отреагировал с опозданием. Раньше я бы успел прыгнуть, выставить барьер или уйти с линии атаки на эльфийских рефлексах. Сейчас я просто застыл. Тупо смотрел, как из тумана сверху со свистом вылетает тяжелый инквизиторский болт.

Он предназначался мне. Пнямой наводкой в грудь.

Но вместо удара стали о мою плоть раздался тяжелый, глухой скрежет. Элирия звериным рывком выскочила из-за моей спины, перекрывая обзор телом. Тяжелый стальной болт сорвал кусок обмотанной тряпками брони на ее плече, высек сноп искр из нагрудника и с хрустом ушел в землю у моих ног.

Она не охнула. Жестко впечатала меня ладонью в меловую стену, закрывая собой от следующего выстрела.

— Засада! — рывкнула Вальдрес, выхватывая свой клинок. — На высотах!

Сверху посыпались новые выстрелы. Болты с противным свистом вонзались в известковую грязь, щелкали по валунам, выбивая каменную крошку. Джестенис испуганно сжался, закрывая голову руками. Силия мгновенно упала на колени за одним из крупных валунов, ее пальцы судорожно вцепились в рукоять короткого ножа.

— Назад! — закричал ГмыХ, но путь к лесу уже перекрывали серые силуэты, стремительно спускающиеся по склону оврага.

Из тумана начали материализоваться фигуры в матовых, серых доспехах Инквизиции. Глухие шлемы, серые плащи, тяжелые арбалеты в руках. Они не кричали. Шли молча, слаженно, зажимая нашу группу в тиски между белыми стенами обрыва.

Я перехватил кинжал так крепко, что заныли пальцы. Значит, резать путь будем вручную.

Болт ударил в меловую стену прямо над моей головой, осыпав плечи белой, колючей крошкой.

Нас ловили грамотно. Зажать цель в узком коридоре, подавить стрелками сверху, а затем раздавить тяжелой пехотой на земле. У нас не было щитов. Только грязная, чавкающая известь под ногами и отвесные скалы по бокам.

Сквозь туман впереди выросли три фигуры. Каратели в матовых панцирях сомкнули строй, перекрывая горлышко оврага. В их руках тускло мерцали зачарованные клинки. Они шли ровно, как единый механизм, продавливая грязь коваными сапогами.

— Силия, под ноги им! — рявкнул я. — Лед!

Девушка выскользнула из-за валуна. Ее губы побелели от напряжения, руки крупно дрожали. Она выбросила ладони вперед, выжимая из себя остатки сил.

Магия в Змеином долу сработала уродливо. Вместо ровной глазури скользящего льда, известковая жижа под ногами Искателей взорвалась рваными, острыми сталагмитами. Лед был грязным, коричневым, хрупким как перекаленное стекло. Он с оглушительным хрустом пробил голень одному из карателей, найдя щель между поножами. Искатель глухо рыкнул и тяжело рухнул на одно колено, ломая ледяные шипы своим весом.

Но один из отлетевших осколков грязного льда с силой полоснул Джестениса по лицу, глубоко рассекая щеку. Парень вскрикнул, отшатнулся и зажал рану, заливая пальцы кровью. Контроль над плетением Силия потеряла мгновенно. Она покачнулась, тяжело дыша. На секунду в овраге воцарилась тишина, нарушаемая только хрипом раненого инквизитора.

Элирия сорвалась с места.

Она не стала тратить силы на удары по толстой броне. Влетела в упавшего бойца, жестко наступила сапогом на его раненую ногу, отталкиваясь, и всадила кинжал прямо в смотровую щель шлема второго Искателя. Раздался тошнотворный влажный хруст. Фонтан темной крови брызнул на белесую стену оврага. Тело еще не начало заваливаться назад, а Вальдрес уже развернулась к третьему, перехватывая рукоять обратным хватом.

Но стрелки наверху не спали. Очередной арбалетный болт со свистом распорол воздух и чиркнул Силию по плечу. Девушка коротко вскрикнула, отшатнулась и упала в липкую грязь.

— Джестенис! Склоны! — заорал я. — Дай дым! Ослепи их!

Парень вскинул дрожащие руки к обрыву. Я видел, как его лицо исказила судорога — он тянул силу с самого дна пустого резерва. На его пальцах вспыхнуло оранжевое пламя, но аномалия дола мгновенно сожрала его. Огонь позеленел, полыхнул с оглушительным треском, и вместо огненного шара в скалу ударила плотная волна раскаленного пара и едкого, густого пепла. Известняк зашипел. Воздух мгновенно пропитался запахом серы.

Арбалетчики наверху надсадно закашлялись. Стрельба на секунду стихла. Это была наша единственная пауза. Один тяжелый общий вдох под прикрытием белесого облака.

— На прорыв! — я рванулся вперед, в клубы известкового пара.

Тот Искатель, которому Силия пробила ногу, попытался встать. Он тяжело взмахнул клинком. Я не атаковал его осознанно. Мое новое тело без магии было слишком медленным, я тупо не успевал отступить или разорвать дистанцию. Мы просто столкнулись на полной скорости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.